

3/73

Ровесник

Ровесник

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ
И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

На первой странице обложки: Подмосковные вечера Арианы Гамалея с острова Реюньон и Джамуны Эламанчи из Индии, студенток Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы.
Фото Ю. Егорова.

В этом номере под рубрикой „Последние" читайте: репортаж с покинутой американцами базы Уилус, трагедии португальской молодежи, отброшенной в средневековье, о преступлениях южноафриканских расистов, хорватских фашистов — усташей и гватемальских террористов, о борьбе с английскими наемниками в Дофаре.

МОСКВА. Минувший 1972 год был насыщен различными совместными мероприятиями молодежи Советского Союза и многих стран мира. Программа международных молодежных мероприятий 1973 года обещает быть еще более разнообразной и интересной.

В мае болгарская столица станет хозяйкой традиционного фестиваля дружбы советской и болгарской молодежи. Делегация юношей и девушек ПНР приглашена в СССР для участия в очередном двустороннем лагере дружбы.

Молодых посланцев Арабской Республики Египет примет столица Азербайджана, где будет проведена неделя дружбы молодежи СССР и АРЕ. Подобные недели дружбы будут проведены и с участием молодежи Ирака, Сирии, Индии. По случаю 25-й годовщины подписания советско-финского договора лагерь дружбы молодежи двух стран раскинет свои палатки в окрестностях одного из финских городов.

Значительная часть мероприятий связана с X Всемирным фестивалем молодежи и студентов. Накануне его открытия в СССР начнется мотопробег, который финиширует в столице ГДР.

В освобожденные районы Лаоса направится советская группа молодых деятелей искусства.

Представители советской молодежи примут участие в конгрессе латиноамериканских студентов в Чили, в семинаре «Университет сегодня» в югославском городе Дубровнике, во всеафриканском фестивале в Тунисе, в научном симпозиуме «Развивающиеся страны: иностранный капитал и национальная экономика». На снимке: участники международного молодежного строительного лагеря в Ставрополе.

КЕЙПТАУН. Очередной взрыв недовольства политикой апартеида потряс Южно-Африканскую Республику. Поводом послужил разгон студенческого митинга у англиканского собора Сент-Джордж. Полиция атаковала студентов, едва один из них взял в руки мегафон. Тех, кто хотел укрыться в соборе, полицейские выволакивали на улицу и избивали.

В стране с 22-миллионным населением всего 4 миллиона белых. В 1971 году университеты ЮАР насчитывали лишь 5025 студентов-негров, которые обучались в 5 вузах, против 57 тысяч белых, обучающихся в 11 университетах.

Жестокость полиции вызвала протесты в большинстве университетов ЮАР. В Кейптауне, у стен все того же собора, состоялся новый митинг с участием 400 студентов и нескольких тысяч горожан. В Иоганнесбурге демонстранты несли плакаты: «Всех не изобьешь!» Но снова студентов били, травили овчарками.

Премьер-министр Форстер откликнулся на эти события следующим образом: «Если бы полиция вела себя иначе, я был бы разочарован». На снимке: разгон студенческой демонстрации.

ВАРШАВА. VII пленум ЦК ПОРП был посвящен проблемам молодежи. По просьбе «Ровесника» это событие комментирует

МАРТ 1973 ГОД (ГОД ИЗДАНИЯ ОДИННАДЦАТЫЙ)

№ 3

Всемирный Молодежный Телеграф

председатель Всепольского комитета сотрудничества молодежных организаций (ВКСМО) Станислав Богданович:

— Польша, если говорить о возрасте ее населения, одно из самых молодых государств мира. В 1972 году граждане, которым не исполнилось еще и 19 лет, составляли 37 процентов. Половина населения Польши родилась и выросла за годы народной власти.

Отсюда видна роль, которая отводится молодежи в экономической и культурной жизни страны. Большое значение наша партия уделяет воспитанию молодежи в духе преданности делу партии, идеям социалистического интернационализма. Участие юношей и девушек ПНР в строительстве социализма, претворение в жизнь лозунга «Удвоим экономический и научно-технический потенциал Польши», участие в общественной и культурной жизни страны — такие вопросы обсуждались на VII пленуме ЦК ПОРП.

На снимке: участницы всепольского фестиваля самодеятельных школьных оркестров в Иванвроцлаве.

БЕРЛИН. Вышел в свет первый номер газеты Международного подготовительного комитета X Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Берлине — «Фестиваль». Значительная часть материалов номера посвящена подготовке к празднику юности, развернувшейся на всех континентах.

Из ФРГ сообщают: группа деятелей искусства обратилась к молодежи страны с призывом провести в связи с фестивалем конкурс политической песни.

Американская делегация на X Всемирном вручит в Берлине представителям молодежи Демократической Республики Вьетнам чек на 50 тысяч долларов, которые пойдут на строительство детского госпиталя имени Нгуен Ван Чоя. Эта сумма будет собрана из добровольных взносов, поступающих в адрес Национального подготовительного комитета.

Из Панамы сообщают о создании Национального подготовительного комитета, объединившего 50 молодежных и общественных организаций этой страны. Накануне встречи в Берлине молодежь Панамы организует свой национальный фестиваль молодежи.

К борьбе за спортивные призы фестиваля — традиция спортивных фестивальных игр будет продолжена и в Берлине — готовятся молодые аргентинцы.

Фестивальные комитеты созданы на освобожденных территориях португальских колоний, в частности в Мозамбике. В состав подготовительных комитетов вошли учителя, солдаты и офицеры освободительной армии.

САН-ДИЕГО. Конец 1972 и начало 1973 года отмечены новыми вспышками расовых волнений в США. Почти одновременно с кровавыми событиями в крупнейшем университете на юге страны, в городе Баттон-Руж, жертвами которых стали двое черных студентов, подняли голос протеста против расизма на флоте США матросы авианосцев «Констеллейшн», «Китти-Хок» и танкера «Хасайямпа».

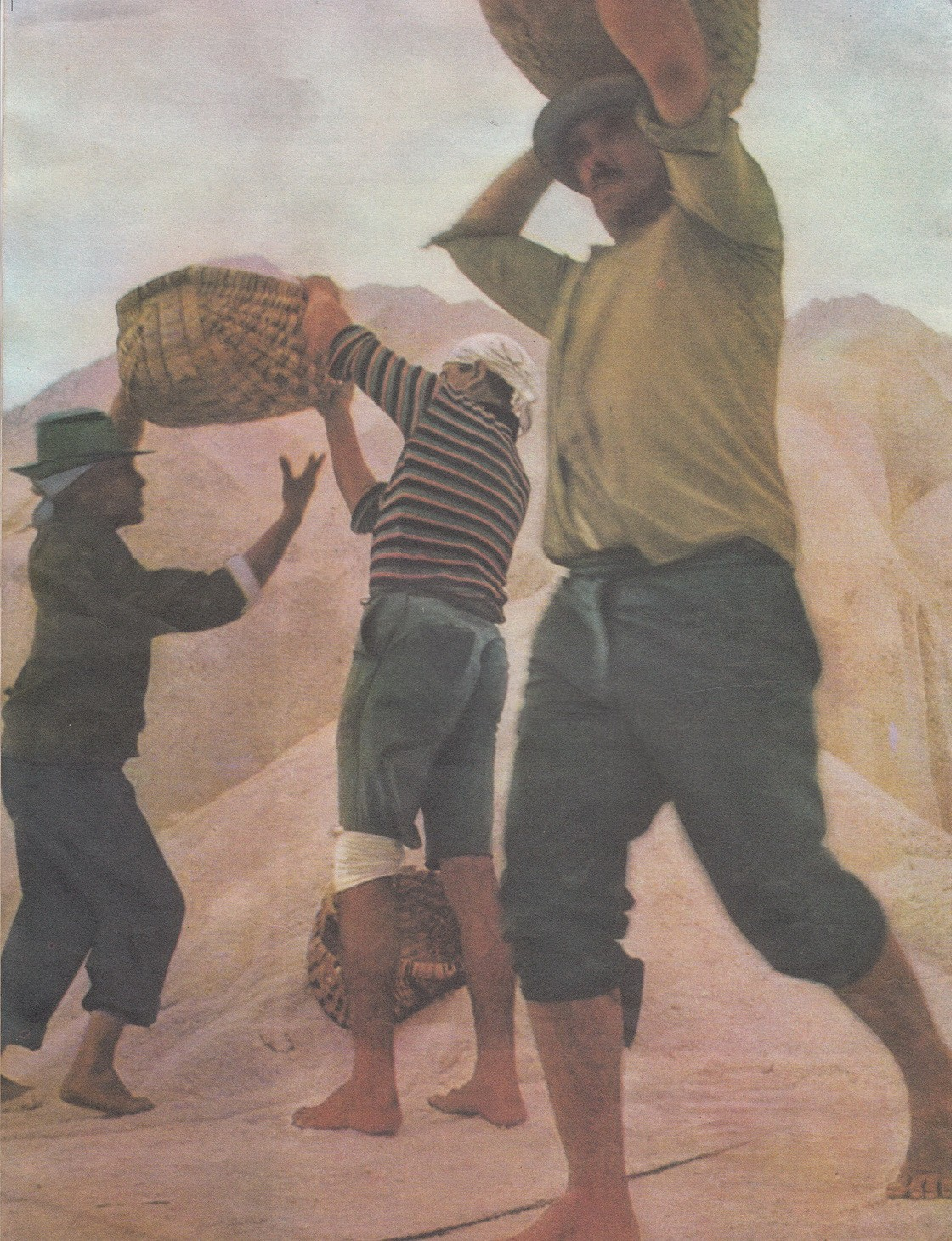
Около 150 моряков — негров и белых провели сидячую забастовку на палубе «Констеллейшн», требуя положить конец несправедливости, жестокости и дискриминации в отношении цветных военнослужащих ВМС США. Забастовщики потребовали встречи с командиром авианосца, но были взяты под стражу и на вертолетах доставлены в порт.

На снимке из журнала «Тайм» вы видите выступления американских моряков против расизма.

БУДАПЕШТ. Решением Исполкома ВФДМ в состав Всемирной федерации демократической молодежи приняты новые члены. Это Союз студентов Бангладеш; Молодежь партии Избирательное движение народа (Венесуэла); Федерация учащихся средних школ (Колумбия), Союз коммунистической молодежи (Гваделупа); Коммунистическая молодежь Пуэрто-Рико и молодежная секция Пуэрториканской социалистической партии; а также одна из молодежных организаций Португалии.

Смотрите!

Как и четыре сотни лет назад... Страшно звучит эта фраза, если иметь в виду, что время остановилось тогда, когда и часов-то, по теперешним представлениям, еще не было. Страшно звучит эта фраза, если иметь в виду, что жизнь вот уже 400 лет топчется на месте. Что успели сделать эти люди за 400 лет? Сменить одежду да пересесть с коня на вертолет. Разве от этого для одних португальцев стала легче, радостнее работа на соляных разработках? Разве для других португальцев справедливее и честнее стала гнусная война в африканских колониях? Как и 400 лет назад, их ждет та же жизнь и та же...

...СМЕРТЬ У ПОЛЮСА

В 1494 году нашей эры португальско-кастильский договор, заключенный в Тордесильясе, передал Португалии монопольное право на обладание ни много ни мало всеми морями и землями земного шара, расположенными к востоку от 50-го градуса западной долготы. С того года ее мощный флот царствовал на море не только по закону силы, но и по закону «права». Кроме многопушечных галионов, флот этот был славен и большегрузными «купцами», и прочными, способными преследовать косяки трески аж до Гренландии «рыбаками». Слава и сила, богатство и влияние Португалии — все держал на своих плечах ее мощный флот. Он открывал новые континенты и страны, он знакомил и сближал народы, он двигал науки и торговлю. С мостиков его кораблей прямо в историю шагнули такие великие мореплаватели, как Бартоломеу Диас, обогнувший мыс Доброй Надежды, Васко да Гама, открывший Европе Индию, наконец, Фернан Магеллан, первым совершивший «кругосветку». Мы произносим эти имена с восхищением, которому обучились еще в детстве, когда одним воображением создавали картины бескрайнего моря, ветра, свистящего в снастях, упрямо рвущихся вперед кораблей и долгожданного восторженного крика из «вороньего гнезда»: «Земля!» Конечно, здесь было и преклонение перед вечной красотой моря и рукотворной элегантностью парусников, но главное заключалось все же в ином: этот возглас «Земля!» сродни другому слову — «Победа!». Победа человека над расстоянием, стихией, судьбой, самим собой, наконец. Ведь на каждый корабль того мощного флота, дошедший до новой земли, приходился корабль, пошедший ко дну.

Остатки этого мощного флота можно увидеть и в наши дни. Не в музее, не в учебном каботажном плавании курсантов. Их, по нынешним временам беззащитных и жалких, можно увидеть «в деле» у берегов Гренландии и Ньюфаундленда.

Пока археологи и историки ищут в труднодоступных районах нетронутые свидетельства далеких эпох, неизвестная миру португальская деревушка Авейро сохранила времена Магеллана почти в полной неприкосновенности.

Шесть месяцев проводят рыбаки из этой деревушки в море на борту парусников. Шесть месяцев без воды для мытья, без какого-либо обогрева. Сон — сгрудившись на деревянных нарах. Еда — почти каждый день треска, иногда с рисом, иногда с картошкой. Когда совсем холодно — порция водки «бегас».

Рабочий день начинается с зарею. В пять утра рыбаки принимаются готовить подкормку — мороженых кальмаров. Затем каждый спускает на воду свою плоскодонку; около пятидесяти лодчонок уложены штабелем на борту. Удар веслом, и вот уже лодка уходит в зыбкую пустыню.

Человек остается один на один с морем. Если опустится туман, он рискует не найти обратной дороги. Единственная надежда — сигнал на борту парусника, заунывно ревущий каждые пять минут. Ловля продолжается до ночи, пока лодка не будет нагружена вровень с бортом треской. Теперь осторожней! Волна слишком высока, она перехлестывает через борт, одно неудачное движение, минута расслабленности — и катастрофа. Потеряв остойчивость, лодка переворачивается. Пара тяжеленных сапог и негнущаяся роба — хороший якорь в этом ледяном море. Улов человек не выбросит до последнего: «Никогда нельзя выбрасывать то, что послал бог».

Когда рыба поднята на борт, ее потрошат, моют и засаливают. Все это происходит при слабом свете «летучей мыши», раскачивающейся под сильным ветром. Когда пьяные от усталости рыбаки валятся на кровать, уже почти наступил завтрашний день. А в трюме продолжается бесконечная укладка трески: рыба, слой соли, рыба и слой соли... За долгую историю в Португалии изобрели 600 рецептов приготовления трески...

Что заставляет людей идти на такой серьезный риск? Ответ прост: безработица. Самая нищая страна Европы предлагает рыбакам Айверы небогатый выбор: или контракт на семь лет риска на утлых посудинах в холодном океане, или повестка — и марш-марш на два года под ружье в африканские джунгли.

Все те же 400 лет истории и там прошли впустую. С прежним тупым упорством и прежней жестокостью Португалия тщетно пытается подмять под себя огромные территории Анголы, Мозамбика, Гвинеи (Бисау). Самолеты, вертолеты, артиллерия, современное стрелковое оружие — откуда такое «богатство» у нищей Португалии, не находящей средств, чтобы прокормить своих граждан? И на этот вопрос нетрудно ответить, если прочесть названия фирм, поставивших свои клейма на оружии, — здесь вся география НАТО. Есть и еще один способ познакомиться с теми, кто поддерживает кровавый, феодального пошиба португальский колониализм. Достаточно привести несколько примеров: хлопок Анголы — заповедная зона бельгийской «Сосьете женераль». Железная дорога Бенгела (также в Анголе) под контролем британских капиталов. Железные рудники

в Казинге в руках международной группы, возглавляемой Крупом. Общество КАДА (третий производитель кофе в мире) тесно связано с французским банком «Ралле». Запасы нефти в Мозамбике и Кабинде разрабатываются двумя американскими трестами — «Галф ойл» и «Кабинда галф ойл», а нефтяные месторождения в Лобиту (Ангола) — бельгийской фирмой «Петрофина». И наконец, ангольские алмазы — источник гигантских прибылей мощного международного картеля, в который входят южноафриканская группа «Де Бирс», банк Моргана, «Сосьете женераль де Бельжик».

Но дела колонизаторов, несмотря ни на какую поддержку (только в качестве «платы за аренду» Азорских островов под военную базу американские «покровители» отвалили Португалии полмиллиарда долларов) идут все хуже. Патриоты всех трех «заморских провинций» одерживают все новые победы. В прошлом номере «Ровесник» в своем «Досье» уже писал об успехах народно-освободительных движений в Анголе, Мозамбике и Гвинее (Бисау). Теперь мы хотим предложить читателю взглянуть на полыхающую в Африке войну с другой стороны баррикады.

Француженка Женевьева Шовель в качестве фотокорреспондента провела месяц в рядах португальского колониального корпуса. Вот ее рассказ об одном дне войны.

«...На рассвете патруль покинул базу. По сообщениям информаторов, в соседнем лесу отмечено появление партизан. Мы осторожно пробираемся между деревьями; тревожную, подозрительную тишину нарушают лишь крики вспугнутых нами птиц. И вдруг разверзается ад. Спереди, сзади, с обеих сторон на нашу колонну из-за кустов и деревьев обрушивается огонь пулеметов, минометов, базук. Солдаты прижались к земле, кое-кто пытается отвечать на огонь. Враг везде, но он не виден... Неожиданно наступает тишина. Солдаты поднимаются; правда, не все — трое остаются на земле. Один умирает, двое ранены.

Умирающего положили на импровизированные носилки, и все отправились в обратный путь. Через полчаса над нами появился вертолет и вскоре опустился на поляну. Из вертолета вышел генерал Спинола, командующий португальской армией в Гвинее (Бисау). Странное это было явление: к нам будто спустился с неба генерал из прошлого — монокль в глазу, бамбуковый стек под мышкой, непроницаемая, невозмутимая маска вместо лица. У его ног — португальский парень, который уже никогда не вернется в свой дом».

Молодежь Португалии уже не обманывает архаичная демагогия генералов и министров, и среди полутора миллионов португальских эмигрантов (50 процентов резервов рабочей силы!) немало молодых людей, нелегально, до наступления призывного возраста покинувших страну.

«...Пять недель Антонио Андраде да Коста находится в плену и, к своему удивлению, все еще жив — так начинает свой рассказ о встрече с да Коста американский фоторепортер Нэш Бейсом. — Этот португальский солдат, которому всего 21 год, был взят в плен, когда отряд Фронта освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО) захватил войсковой дозор около прибрежного города Мокимбоа-да-Прайя.

Офицеры без устали твердили ему и его товарищам, что попасть в плен к партизанам равносильно самоубийству. Они говорили: пленных ожидают пытки, допросы и в конце концов смерть. Удивительно ли, что дружелюбие партизан, восемь лет сражающихся за освобождение Мозамбика от португальских колонизаторов, стало для него настоящим откровением.

— Меня ранили в ногу, и я не мог ходить, — сказал он мне в первую же минуту. — Вы не поверите, но солдаты ФРЕЛИМО неделю несли меня на плечах.

Я познакомился с да Костой, когда он вместе с несколькими офицерами ФРЕЛИМО сидел на грубых деревянных скамьях в «классе» начальной школы — площадке, расчищенной в джунглях. Разговор был серьезным, но дружелюбным, то и дело раздавался смех. Форменные брюки да Косты были явно ему велики, и это особенно забавляло окружающих. «Ничего, — заметил один из них. — Вот побудешь с нами еще несколько недель, они станут тебе впору».

Я внимательно присматривался к да Косте. Думал, что, может, увижу признаки того, что его оживление, его веселость искусственны, быть может, он притворяется, чтобы расположить к себе бойцов ФРЕЛИМО. Но он держался свободно.

Он рассказывал мне о том, как был поражен, увидев, насколько едины жители деревень и бойцы освободительного движения.

— Их просто нельзя разъединить. Крестьяне вооружены и имеют собственную милицию. Партизаны же проводят много времени, работая на полях.

Я спросил, что бы он хотел сказать своим друзьям, если бы у него была такая возможность.

— Сказал бы, что они сражаются против самих себя. Я знаю, что португальских солдат заставляют воевать, и я бы посоветовал им сдаваться в плен. Я уверен, что Мозамбик завоюет независимость, потому что видел, что у партизан для этого есть все, да и воюют они на своей земле — таков был ответ бывшего солдата португальской колониальной армии».

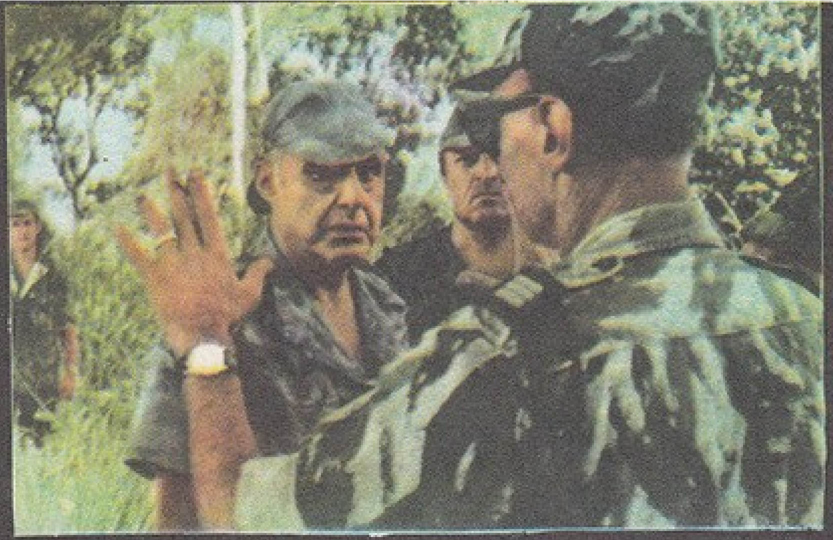
Когда-то древние римляне говорили: «Новости приходят из Африки». Именно в Африке многие молодые португальцы, наши современники, узнают, что на дворе XX век, что мир не брал передышку на четыреста лет, что он по-прежнему идет вперед.

И ЭКВАТОРА

С. РЕМОВ

ПОСЛЕДНИЕ

Последняя треть XX века... Время победоносного наступления идей коммунизма, социальной справедливости, национальной независимости, мирного сосуществования. Обороняясь, реакция пускает в ход самые разные силы — от новейших хитроумных буржуазных теорий до оголтелых черносотенных банд. В этой подборке мы рассказываем о тех, кто пытается спасти обреченные историей «ценности» мира насилия — милитаризм, колониализм, сепаратизм, фашизм, апартеид...

СЛЕДЫ НА ПЕСКЕ

Вальтер ХАЙНОВСКИЙ и Герхард ШОЙМАН, журналисты и кинооператоры (ГДР)

Еще перед поездкой на бывшую американскую военную базу Уилус мы увидели снимок «красного телефона № 1», что запрятан в расположенном в штате Небраска бункере командного центра стратегической авиации США. Достаточно снять трубку этого телефона, отдать короткий приказ, и земной шар превратится в ад. Тогда мы не подозревали, что вскоре сможем познакомиться с его двойником.

Мы бродили по мрачному помещению комендантской виллы в Уилусе и чуть было не просмотрели в самом углу зала на полу еще подключенный к розетке красный телефон. Аппарат без диска, предназначенный только для получения приказа. Надпись: «Red Line 11»[1]. На задней стенке аппарата штамп: «Сделано в США, Вестерн-электрик». Тот же цвет, та же форма, как и у телефона № 1, что в 18-метровом подземном бункере в Небраске.

Поднимаем трубку: «Прямая линия 11» мертва. Народ Ливии отключил ее. База закрыта.

Осторожно вывинчиваем три клеммы из розетки на стене: сначала красную проволочку, затем зеленую, наконец, желтую.

Сегодня красный телефон коменданта Уилуса находится у нас в студии, под стеклом. У него достойное общество. Там же лежат различные экспонаты с «большой историей»: пилотский шлем и пара сапог — прежнее имущество капитана Бойда, сбитого нашими друзьями из противовоздушной обороны ДРВ в то время, как бравый капитан упражнялся в умении осуществлять глобальную стратегию США в Юго-Восточной Азии...

Наша первая попытка добраться до оазиса Эль-Уотиа, где и располагалась база, чуть не стоила нам жизни. Мы легкомысленно доверились туристской карте, указывавшей путь к оазису так же уверенно, как и шоссе вдоль побережья. Подсчитали — в Эль-Уотиа попадем через два часа.

Довольно скоро, однако, асфальтовое покрытие утонуло в песке. Только узкая тропа из острых камней подсказывала, что когда-то именно здесь пролегала мощеная дорога. Но когда? Во времена Римской империи? Карфагена? Из Триполи мы выехали рано утром; солнце палило уже в зените, когда напряжением последних сил мы в очередной раз вытащили наши грузовики из песка. Одно было ясно: забрались мы так далеко, что возвращение стало весьма сомнительным, тем более что у нас не было ни воды, ни провианта.

В тот день мы так и не попали в Эль-Уотиа. Песчаный смерч закрыл горизонт густой вуалью... И вдруг, как мираж, перед нами вырос шатер бедуинов. Два верблюда лежали, не замечая пыльного урагана. Хозяева шатра сразу оценили наше положение. Безмолвно подали нам воду из своего запаса, и мы, забыв все медицинские страхи, пили и пили...

Губы запеклись, веки покраснели. Надо возвращаться. Старейшина подал нам кожаный мешок с водой.

Позже, уже в отеле Триполи, события этого дня показались нам дурным сном. В пустыне нужно совсем немного, чтобы погибнуть — какие-то сотни метров, и нет возврата...

Через несколько дней мы снова отправились тем же путем, только уже на вездеходе, четыре ведущих колеса которого свободно справлялись с песчаными барханами. Мы запаслись горячим чаем, яблоками, дынями и везли взятый напрокат кожаный мешок с водой. Мы быстро нашли наших спасителей. Все так же лежали на песке верблюды, не обращая внимания ни на беснующийся ветер, ни на жаркое полуденное солнце, ни на холод ночи...

Сегодня мы достигнем наконец нашей цели — куска земли, о котором мы прочли следующую лаконичную запись: «Полигон Эль-Уотиа имеет форму прямоугольника примерно 4 на 9 миль и представляет собой совершенно ровную, пустынную местность с высотой над уровнем моря в среднем 250 футов».

Перед постройками покинутой американцами базы — бетонными столбами с черепами и перекрещенными костями — мы очутились, когда еще находились под впечатлением человеческой солидарности, помогающей выжить в бесконечной пустыне. Замедляем скорость. Тут рекомендуется держаться проезжего следа. Справа и слева в песке могли остаться «слепые», невзорвавшиеся бомбы и снаряды. На горизонте несколько красно-белых башен и каких-то построек, тонущих в дымке. Миновав многозначный щит — «Эль-Уотиа — тренировочный полигон. Внимание, вы на полигоне!» — мы въехали на территорию, облюбованную на первый взгляд какой-то сумасшедшей школой сюрреалистической скульптуры: кругом жуткое нагромождение многих тонн растерзанного, продырявленного бортовыми пулеметами и ракетами металла.

Приближаемся к первой бело-розовой башне, башне корректирования огня. Взбираемся по железной лестнице. Ступеньки так раскалены, что даже подошвы ботинок не спасают. Упираемся в ярко-красную дверь с надписью: «Оперативная».

Открываем дверь и тут же выскакиваем: климатическая установка не работает, и воздух в оперативной душит. На рабочем столе пепельница с окурками «Кемела». Кончиками пальцев трогаем пыль, покрывшую трубку аппарата. Эта трубка слышала за один день сотни переговоров. О чем они были?

На этот вопрос могут дать ответ лежащие вокруг формуляры: графики, стороннему человеку ничего не говорящие, мертвые цифры, плюсы и минусы. Зашифрованные строки, понятные только посвященным.

Мы, правда, знаем, что все это означает. Мы знаем, что скрывается за сокращением КБЮ. «Кластер бомб юнит» — это переводится как «контейнер с шариковыми бомбами». И сразу встают воспоминания...

Мы в Ханое, у больничных кроватей. Вот девушка с пробитым позвоночником... Вот парализованный юноша. Ослепшая на один глаз учительница... «Контейнер» — это металлический ящик в рост человека, содержащий в себе около 600 бомб, каждая — с теннисный мячик. Каждый этот «теннисный» мячик начинен взрывчаткой и 300 стальными шариками. 180 тысяч пуль. Одной вполне достаточно — оборвать или покалечить жизнь. Мы видели жертвы КБЮ.

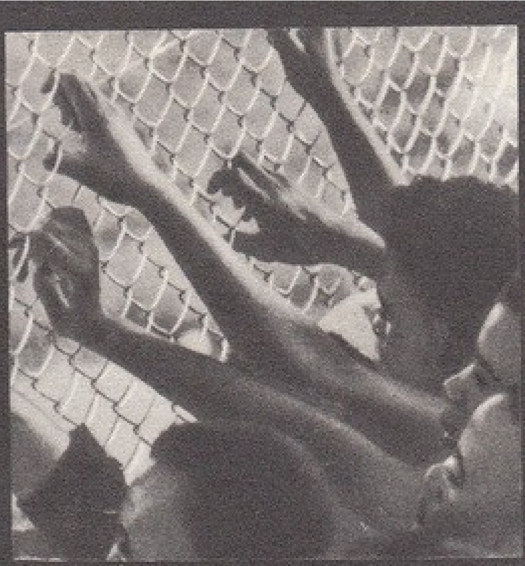
Итак, именно здесь, прежде чем отправиться в Юго-Восточную Азию и превратить теорию в практику, упражнялись в сбрасывании КБЮ наши знакомые «пилоты в пижамах»[1]. Здесь обучались и обращению с напалмом: в формулярах означено и это занятие. Страшный материал, бензин, превращенный в цепкое желе, которое нельзя ни потушить, ни сорвать с платья или кожи, материал для сжигания живых людей. Мы видели обезображенные им тела во Вьетнаме.

Спускаемся с башни на землю. Мимо железных бараков выезжаем на поле полигона. Здесь десятками навалены размалеванные грузовики и цистерны. Все это «таргет» — цель. Американцы не жалеют отслуживших машин, ими они обозначают автомобильные колонны, железнодорожные составы или автобазы.

Баранку нашей машины крутила рука безумца. Представьте: вся эта территория в 4 на 9 миль, совершенно плоская пустыня, покрыта мелкими красными, желтыми,

[1] «Прямая линия 11» *(англ.)*.

[1] *«Пилоты в пижамах» — так называлась одна из предыдущих книг-репортажей Хайновского и Шоймана. В русском переводе она выпущена издательством «Молодая гвардия» в 1969 году. (Прим. ред.)*

васильковыми и зелеными пятнами: так цветут у нас на полях весенние цветы. Здесь же эти пятна — остатки ракет, куски фюзеляжей и плоскостей. Время от времени база подчищала свои владения, и тогда образовывались целые горы металла. Инстинктивно косимся на небо: не ринется ли сверху машина, чтобы отделаться от своего груза? Нет, голубое небо чисто. Кругом тихо, и только горячий воздух вьется над железным хламом.

Перед нами — пара огромных столбов, между ними натянуто полотно — расстрелянная от края и до края цель для бортовых орудий.

Мы уже в 1967 году во Вьетнаме получили представление о «виртуозности» стрельбы американских пилотов — при попадании в отдельно стоящие пагоды или точном поражении школ и больниц, обозначенных красным крестом. От них мало в чем отстают и израильские пилоты, достойные ученики американского воздушного флота, при налетах на арабские страны. Кстати, они летают на американских самолетах «фантом», для которых полигон Эль-Уотиа и был организован в первую очередь.

Достаточно осмотреть Эль-Уотиа, чтобы понять, как готовился израильский блицкриг против АРЕ. Именно здесь имитировались цели, которые в июне 1967 года были действительно обстреляны Израилем. Цель А — железнодорожный вокзал двухколейки Север — Юг. Цель В — железнодорожный мост. Цель С — радиостанция. Цель D — район расположения казарм (29 макетов строений). Цель Е — самолеты, стоящие в ангарах. Цель F — танки. Цель G — нефтебаза (шесть макетов нефтехранилищ).

Израильтяне после своего нападения опубликовали снимки о воздушной войне против Египта. Эти снимки могли быть сделаны и в Эль-Уотиа. «Лучшего тренировочного полигона для июньской агрессии и не придумать», — откровенно говорил полковник Гриффит, комендант Уилуса.

О поддержке Соединенными Штатами Израиля при планировании и проведении им агрессии говорил и американский дипломат Дэвид Нес:

«Эффективность израильского воздушного нападения 5 июня 1967 года покоится исключительно на информации о египетских аэродромах и расположении самолетов, полученной из американских источников».

Мы едем дальше по полигону. Вот стоят железные столбы — цели для ракет. Расположенные на расстоянии одного метра друг от друга, они полностью разбиты. Вот выложенный на земле круг из старых автомобильных покрышек — здесь виртуозы пилоты упражнялись в атомном броске. На цель Е — самолеты в ангарах — американцы использовали собственные списанные в расход самолеты. Чуть в сторонке валяется до неузнаваемости растерзанный американский истребитель. Фатальный символ: своим искусством стрельбы американские пилоты расстреливали во всем мире достоинство Соединенных Штатов. Вспомним Вьетнам, Камбоджу, Лаос...

Перед нами — наполненная песком бензиновая бочка. Цель упражнения — расстрел с воздуха отдельного человека. Бочки точно расстреляны. С различных позиций...

В газете «Эль-Саура» мы прочли отчет о преднамеренном убийстве. В Эль-Уотиа случайно забрела женщина-пастух с дочерью и стадом в 40 овец. Американскому пилоту, упражнявшемуся в стрельбе по бочкам, пришла в голову мысль: а не попробовать ли свое искусство на этом стаде? И он ринулся на стадо, считая его, видимо, танковой колонной противника, и поливал свинцом и его, и людей, пока все не было уничтожено.

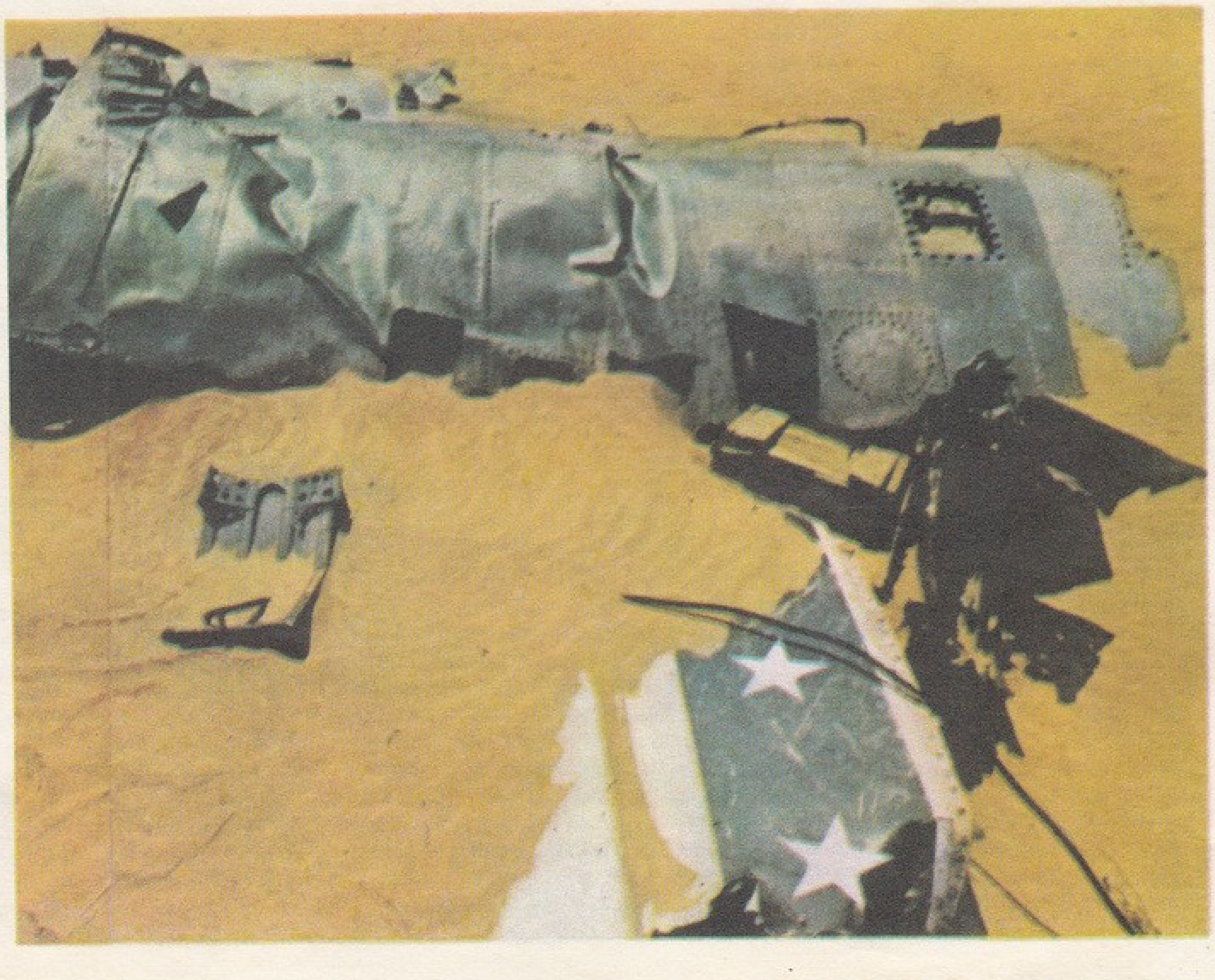
...Пилот последнего американского самолета, стартовавшего 11 июня 1970 года из Уилуса, точно знал свой курс. Он мог бы проделать этот путь даже во сне. Как обычно, он поднял в воздух тяжелую транспортную машину с опознавательным знаком на стабилизаторе ЛН и в 13 часов 15 минут прибыл на «Висбаден эр бейз».

Висбаден — в Западной Германии, но на этой базе машины со знаком ЛН не гости, а хозяева. Машины эскадрильи 7101 ежедневно курсировали по маршруту Висбаден — Уилус. На этот раз у самолета не было обратного пути.

...Мы прибыли в Ливию не для создания фильма о древних городах. Но здесь от руин никуда не деться. Райское побережье Средиземного моря облагорожено трудом далеких чужеземных пришельцев из Рима. Там, где была колония американского империализма, земля обезображена и испоганена. Все выглядит так, словно здесь, прежде чем исчезнуть, безумствовал железный гигант. Горами высятся пустые трубы, обломки ракет, железные бочки. Бомбы тоже здесь: их серые крысиные тела еще не засыпал желтый песок. Разбитый мотор самолета. Машины, брошенные где попало. Сотни автопокрышек, разбросанные по всей территории. Зеленый грузовик выпятил свой зад из песка. Радиатор и кабина разбиты, словно железный гигант, уходя, наступил и раздавил их. Зеленый автобус, утонувший до осей в песке, наполнен коробками с порошком от насекомых. Этого средства им хватило бы на десятилетия...

Наследство Пентагона щедро разбросано по сторонам затерянной дороги. Пустыня придет и все заметет. И ни один археолог не будет разыскивать это захоронение. От него не останется и следа...

Перевела с немецкого
В. МАТВЕЕВА

Mano blanca

Ю. БОГДАНОВИЧ

Организаций, подобных той, что носит это зловещее название «Mano blanca» — «Белая рука», в странах Латинской Америки видимо-невидимо. И это одно из свидетельств начала конца господства иностранных монополий, местных магнатов и латифундистов, один из косвенных признаков кризиса системы колониального грабежа, эксплуатации и угнетения, многие десятилетия процветавшей на континенте. Ибо едва капитал начинает терять под ногами почву, он тут же отбрасывает маску благопристойности и подобно бандиту с большой дороги хватается за нож, кастет, револьвер.

«Mano blanca» — одно из таких преступных орудий продажных политиканов, олигархов, монополистов — словом, ультраправой реакции в ее борьбе с растущими силами демократии и прогресса.

„Мано бланка» в переводе на русский означает «Белая рука». Но нет таких черных преступных дел, на которые бы не пошли члены этой фашиствующей бандитской шайки, действующей при покровительстве местных властей и ЦРУ на многострадальной гватемальской земле.

...На столичном кладбище «Ла Вербена» все чаще появляются новые и новые могилы. Это жертвы «Мано бланка». Хоронят убитых, конечно же, родственники — «Мано бланка» бросает трупы на месте преступления. Трупы патриотов со следами изуверских пыток прибивает волнами к морскому берегу, их находят в кратерах погасших вулканов, в реках и сточных канавах, на сельских дорогах и улицах городов. Эта кровавая оргия изо дня в день, из недели в неделю, из месяца в месяц длится уже девятнадцать лет.

Не только «Белая рука» ответственна за убийства неугодных режиму. Официальные репрессивные органы — полиция, армия; полулегальные вооруженные банды «Око за око», «Справедливый ястреб», «Антикоммунистический совет Гватемалы» и многие другие по праву делят с ней страшную славу убийц.

В 1954 году наемные отряды гватемальских ультра, подготовленные и вооруженные на деньги ЦРУ, вторглись в республику и свергли демократическое правительство Хакобо Арбенса. Именно тогда началась жестокая кровавая расправа над лучшими сыновьями и дочерьми гватемальского народа. С тех пор в стране сменилось восемь правительств. Однако террор и преследования всех инакомыслящих не прекращаются. Ныне правящий в стране режим возглавляет генерал Карлос Арана Осорио. Захватив в июле 1970 года пост главы гватемальского государства, Осорио сменил военный мундир на гражданскую одежду. Высокий пост вынудил его отказаться и от столь любимого им ранее личного участия в уничтожении своих политических противников. Да и недосуг ему, верно: теперь он планирует и проводит террор в национальном масштабе. С циничной откровенностью этот палач гватемальского народа заявляет, говоря о своих политических целях: «Если для умиротворения страны нужно превратить Гватемалу в могилу, не думайте, что я поколеблюсь сделать это».

Именно по его приказам и официальные репрессивные органы — армия, полиция, и полулегальные ультрареакционные террористические организации типа «Мано бланка» за считанные годы довели число жертв до восемнадцати тысяч человек. Уничтожаются гватемальцы самых различных политических убеждений: деятели легальной оппозиции, профсоюзные руководители, прогрессивно настроенные представители интеллигенции, студенчества, рабочие, крестьяне. Но в первую очередь ультра преследуют коммунистов.

Одной из первых жертв нынешних гватемальских властей стал широко известный не только у себя на родине профессор Хулио Камей Эрреро, один из руководителей партии коммунистов — Гватемальской партии труда. Затем от рук гватемальских реакционеров пал независимый профсоюзный руководитель, талантливейший крестьянский лидер Хайме Монхе Донис. Его убили, когда он вместе с женой и ребенком выходил из церкви, в которой происходило венчание одного из его друзей.

В самом центре гватемальской столицы, в трех кварталах от Национального дворца, был сражен пулей террористов гватемальский ученый, депутат парламента от национального фронта демократических левых Адольфо Михангос. Будучи инвалидом, Адольфо Михангос передвигался в кресле на колесах. Однажды вечером он выехал из своего учреждения и был убит. Этот мужественный человек, страдающий тяжелым телесным недугом, смело и открыто выступал в национальном конгрессе против существующих в стране порядков, за восстановление попранной конституции, против массового преследования тех, кто выражает несогласие с политикой, осуществляемой Карлосом Арана Осорио. За это он и был приговорен к смерти.

В конце минувшего года мир был потрясен еще одним кровавым преступлением клики Осорио — убийством нескольких руководителей Гватемальской партии труда. Генеральный секретарь ЦК Гватемальской партии труда Бернардо Альварадо Монсон и пятеро его боевых соратников, членов партийного руководства, — Марио Сильва Хонама, Карлос Рене Валье, Уго Барриос Клее, Карлос Альварадо Херес и Мигель Анхель Эрнандес — по приказу гватемальского диктатора были тайно и поспешно умерщвлены.

Тщательно скрываемые подробности этого злодеяния удалось узнать товарищам убитых. Около 10 часов утра 26 сентября прошлого года ищейкам гватемальского палача удалось напасть на след руководителей гватемальских коммунистов, проводивших совещание на одной из конспиративных квартир на окраине столицы. Переодетые охранники ворвались в дом. Силы были явно не равны, и патриотов схватили. В застенках арановской диктатуры их жестоко пытали, надеясь выведать адреса, по которым скрывались другие руководители Гватемальской партии труда. Но убийцам не удалось вырвать ни единого слова у славных гватемальских патриотов. Они были расстреляны, тела жертв палачи сбросили в море с самолета гватемальских военно-воздушных сил. Это произошло через пятнадцать дней после того, как патриоты были схвачены.

Такой трагической развязки можно было ожидать. Именно поэтому так остро и моментально реагировало общественное мнение на известие об аресте коммунистов Гватемалы. Почти во всех странах Латинской Америки, в других странах мира развернулась кампания за спасение отважных сынов гватемальского народа. В адрес самого Карлоса Арана Осорио поступало множество писем и телеграмм от самых различных общественных и политических организаций и партий. Однако те, кто организовал очередную расправу, заручившись согласием североамериканского ЦРУ и группы высокопоставленных гватемальских военных, свершили задуманное злодеяние. Оборвалась жизнь замечательных борцов за свободу народа, за счастье Гватемалы.

В июньские дни 1969 года, когда в Москве проходило международное Совещание коммунистических и рабочих партий, автору этих строк посчастливилось встречаться с товарищем Бернардо Альварадо Монсоном. Однажды мы сидели друг против друга: смуглый крепкий человек с чуть посеребренной черной головой и темными страстными глазами рассказывал о положении в Гватемале, о преступлениях наемников империализма янки, превративших его красивейшую страну в край бесправия и нищеты.

— Эти крысы в человеческом облике, — говорил тогда Бернардо Альварадо Монсон, — не продержались бы у власти и дня, если бы им не помогали американские инструкторы из числа «зеленых беретов», если бы они не получали оружие, деньги от ЦРУ...

Да, монополистические круги США не жалеют средств и сил, чтобы сохранить в Гватемале нужные им порядки. В середине прошлого года американский еженедельник «Нейшн» писал, что более половины из четырех миллионов долларов, безвозмездно переданных режиму Карлоса Арана Осорио, намечено истратить на полицию и другие репрессивные органы. Именно специалисты из США обучают гватемальских полицейских методам и способам расправы с народными массами (нередко они и сами принимают участие в карательных операциях). 400 тысяч долларов ассигновали США на основание в Гватемале полицейской академии. И это в стране, где 55 процентов населения неграмотно! Где 25 центов в день считаются завидным заработком рабочего!

Теплая улыбка озаряла лицо Бернардо, когда он говорил о красоте и богатстве любимой родины, о гватемальцах — умелых тружениках, гостеприимных хозяевах и просто добрых людях. Гневно сверкали его глаза и сжимались в кулаки сильные руки, когда рассказывал он о том, как измываются над его народом нынешние правители...

80 процентов всех земельных угодий в стране находятся в руках пресловутой североамериканской компании «Юнайтед фрут» и кучки латифундистов. Сотни тысяч крестьян совсем лишены земли. 70 процентов жителей не могут позволить себе пользоваться электричеством. 90 процентов сельского населения в стране страдает от постоянного недоедания. Один врач приходится на пять тысяч жителей, а в некоторых районах на девять тысяч. В Гватемале один из самых высоких уровней смертности и среди детей, и среди взрослых. Тысячи жителей страны за всю свою жизнь не приобретают ни одной пары обуви. Детский труд на плантациях, отсутствие школ, нищета — такова Гватемала...

Бернардо Альварадо Монсон вынимает из портфеля книжку в белой обложке. Название гласит: «Насилие в Гватемале». «Советскому другу и товарищу», — пишет он на титульном листе. И, отдавая эту книжку мне, говорит:

— Здесь только факты и только фамилии гватемальских патриотов, павших от рук палачей моего народа. Этот список неполон. Когда мы в Мексике готовили эту книгу к изданию, добавилось еще немало новых жертв. Им всем найдется когда-нибудь место в Книге правды о сегодняшних днях Гватемалы. Мы хотим, чтобы весь мир знал о преступлениях, творимых на ее земле, о тяжелом положении ее народа. Мы хотим, чтобы каждый честный человек присоединил свой голос протеста против произвола и насилия в Гватемале. Это будет огромная, неоценимая поддержка нашей борьбы за торжество справедливости.

Мне вспомнились эти слова мужественного Бернардо, когда я читал опубликованное в Москве в конце минувшего года обращение представителей всех коммунистических, социалистических и народных партий Латинской Америки, США и Канады, принимавших участие в торжествах по случаю 50-летия образования СССР, в связи с убийством лидера гватемальских коммунистов и его товарищей. «Гневное осуждение народов мира, — говорится в этом обращении, — должно остановить руку убийц и помочь обрести свободу гватемальскому народу... Мы призываем все народы мира, и в частности народы нашего континента, к немедленным неослабным действиям солидарности с боевым братским народом Гватемалы».

Гватемальские палачи расправились с Бернардо Альварадо Монсоном и его товарищами. Но им никогда не сломить мужественный народ Гватемалы и его отважных борцов-коммунистов. Смерть прервала жизненный путь замечательных людей, но она же наверняка поднимет на борьбу отряды новых гватемальских патриотов, новых несгибаемых борцов. Потому что только в их идеях, их идеалах, их правде — будущее Гватемалы.

— Гватемальской реакции время от времени удается вырвать из наших рядов отдельных товарищей, — говорил мне Бернардо Альварадо Монсон. — Они могут поймать и меня, и других руководителей нашей партии, но никогда, ни за что врагам моего народа не удастся сломить нас, покончить с нами.

Истину этих слов подтверждает сама жизнь, сама действительность Гватемалы, небольшой центральноамериканской страны, расположенной на стыке двух Америк.

Но пока на земле Гватемалы бесчинствуют банды наподобие «Мано бланка» (один из ее руководителей, председатель национального конгресса Марио Сандоваль Аларкон официально провозглашен кандидатом в вице-президенты на предстоящих в марте 1974 года президентских выборах), гватемальские палачи, вскармливаемые американским империализмом, не оставляют надежды поставить на колени гватемальский народ, навечно надеть на него ярмо рабства. Но часы истории уже отсчитывают время их исчезновения. Будущее за единомышленниками Бернардо Альварадо Монсона, за теми, кто уже сейчас посвящает свою жизнь — всю без остатка! — делу справедливости, делу счастья и процветания Гватемалы.

ОПЕРАЦИЯ „БЕЙСБОЛ“

С. МИЛИН

В феврале 1970 года в разделе происшествий лондонских газет промелькнули сообщения о загадочной смерти Кейта Уолласа, бывшего репортера столичной «Дейли мейл», 28 лет. Тело Уолласа было обнаружено на дне вентиляционной шахты под окном его квартиры в Куинрэсгейт-террас, Кенсингтон. На основании свидетельских показаний удалось установить, что в последнее время журналист много пил. Это позволило следователю вестминстерского суда сделать вывод, что Уоллас упал и разбился при попытке проникнуть через окно в собственную квартиру, и закрыть дело. Вообще смерть Уолласа, наверно, прошла бы мимо внимания газет, если бы не некоторые обстоятельства, так и не получившие объяснения в ходе следствия. Например, почему окно в квартире Уолласа, несмотря на зимние холода, оказалось открытым? Если предположить, что его пытался открыть снаружи сам Уоллас, то как объяснить следы борьбы в квартире — поврежденную мебель, пятна крови на занавесях? Наконец, куда девался пистолет погибшего, с которым, по показаниям тех же свидетелей, он никогда не расставался? Увы, все эти вопросы так и остались без ответа...

Трафальгар-сквер в Вест-энде по праву считается самой большой и красивой площадью английской столицы. Ее красота привлекает толпы туристов, ее размеры и местоположение — демонстрантов. По традиции демонстрации проходят около колонны со статуей адмирала Нельсона. Впрочем, в тех случаях, когда демонстранты намереваются выразить протест против расовой дискриминации, они направляются к расположенному здесь же зданию, архитектуру которого отличает помпезная тяжеловесность. В дипломатическом справочнике английского Форин оффис это здание именуется «Резиденцией верховного комиссара Южно-Африканской Республики в Великобритании», лондонцы же в обиходе называют его «домом Южной Африки», а то и презрительно «белым бантустаном». Дипломатический персонал резиденции невелик — 34 человека, причем добрая треть из них подчиняется не официальному главе представительства ЮАР — верховному комиссару, а первому секретарю Дж. Сварту, резиденту БОСС[1] в Англии.

Даже самый проницательный физиономист вряд ли смог бы догадаться, что Дж. Сварт — высокий джентльмен с округлым лицом, добродушными морщинками возле глаз и пухлыми свежими губами, джентльмен, предпочитающий темно-зеленые костюмы строгого покроя, джентльмен с манерами сельского эсквайра — является руководителем разветвленной агентурной сети ЮАР в Великобритании. Однако именно Сварту подчиняются, помимо дипломатов-разведчиков, десятки сотрудников БОСС, официально числящиеся представителями различных южноафриканских коммерческих фирм или газет. Кроме того, джентльмену с добродушными морщинками у глаз подчиняется четыре группы платных агентов. Если же к этому прибавить десятки информаторов, выполняющих задания агентов, то становится ясно, что пост резидента БОСС не такая уж синекура.

...В то утро баас[2] Сварт был мрачен. Причиной тому послужила шифровка, полученная накануне из Претории. Шифровка предписывала предпринять решительные действия в связи с операцией «Бейсбол» и напоминала Сварту о судьбе его предшественника Шоймана.

Это напоминание заставило резидента БОСС с горечью вспомнить, как в свое время он чуть не прыгал от радости, получив предложение сменить Шоймана в Лондоне. Тогда новое назначение казалось ему преддверием головокружительной карьеры. Еще бы, с ним почти как с равным разговаривали самые могущественные люди страны: шеф БОСС генерал ван ден Берг, начальник службы безопасности генерал Крюгер, главный полицейский следователь полковник Сванепула! Но каким же он был идиотом, когда променял место начальника отдела службы безопасности в Иоганнесбурге на пост резидента БОСС в Лондоне, Брюсселе и Дублине! Там к его услугам были и «Номер четвертый», и «Маршал Скуэйр»[3], и сколько угодно «квела-квела»[4], а главное, возможность действовать решительно, не боясь «наследить». А тут изволь постоянно заботиться о конспирации и прикрытиях, иначе того и гляди «черномазые» подложат тебе свинью, как это случилось с беднягой Шойманом...

Беднягой! А ведь в свое время Сварт громче всех возмущался тем, что, просидев семь лет в Лондоне, «этот Шойман» допустил грубейшую ошибку, стоившую БОСС резидента-координатора и нескольких ценных агентов. Сварт знал эту историю в мельчайших деталях: в 1969 году один из информаторов Шоймана сообщил, что бывший сотрудник южноафриканской газеты «Драм» Мэтью Нкоана готовит брошюру под названием «Кризис в революции. Специальный отчет о деятельности Панафриканского конгресса ЮАР»[1], в которой разоблачились тайные операции БОСС. Среди прочего в брошюре приводились такие факты: точное число сотрудников БОСС — 1500 человек и бюджет южноафриканской разведки — 600 тысяч фунтов стерлингов в 1967 году, 2600 тысяч — в 1969-м. Далее следовал перечень организаций, в которые проникли агенты БОСС, начиная от Народной организации Юго-Западной Африки (СВАПО) и кончая Движением против апартеида. В заключение приводились фамилии агентов шпионских служб ЮАР: Джона Брауна, Ганса Бомбарда, Гергарда Люди и, наконец, резидента-координатора Джона Фэйрера Смита. Последнему отводился целый раздел, в котором подробно излагалась его биография, описывалась конспиративная квартира Смита на Честер-сквер и сообщалось о проводимых им тайных операциях против активистов национально-освободительного движения. «Что касается английской полиции, — заканчивал Нкоана, — то она предоставляет Бюро государственной безопасности ЮАР полную свободу действий, считая, что они не представляют угрозы для интересов Великобритании». Шойман не позаботился — или не смог — своевременно предпринять меры. Разразился скандал, и южноафриканскому резиденту не оставалось ничего другого, как покинуть Англию.

Сейчас Сварт сам попал в такое же дурацкое положение. Если он в ближайшее время не завершит операцию «Бейсбол»... О том, что ждет его в этом случае, резиденту БОСС не хотелось даже думать. Откровенно говоря, Сварт с самого начала допустил ошибку, когда не придал должного значения сообщению о прибытии в Лондон Сонто Бучеза, активиста Панафриканского конгресса, чудом бежавшего из специального лагеря БОСС в Натале. Но уже следующее донесение от агента под кличкой «Лобстер» — «Омар» — заставило его насторожиться: оказывается, Бучеза намеревался устроить пресс-конференцию, как только немного оправится после лагеря. Затем удалось узнать, что Бучеза располагает доказательствами широкого применения пыток в тюрьмах ЮАР, например фотографиями «допросов третьей степени» с применением «мпундула»[2], когда люди корчатся от невыносимой боли.

---

[1] *БОСС — Бюро государственной безопасности ЮАР. Руководит деятельностью всех внутренних и зарубежных секретных служб ЮАР.*

[2] *Баас — господин (африкаанс).*

[3] *«Номер четвертый» и «Маршал Скуэйр» — тюрьмы в Иоганнесбурге.*

[4] *«Квела-квела» — полицейская машина (африкаанс).*

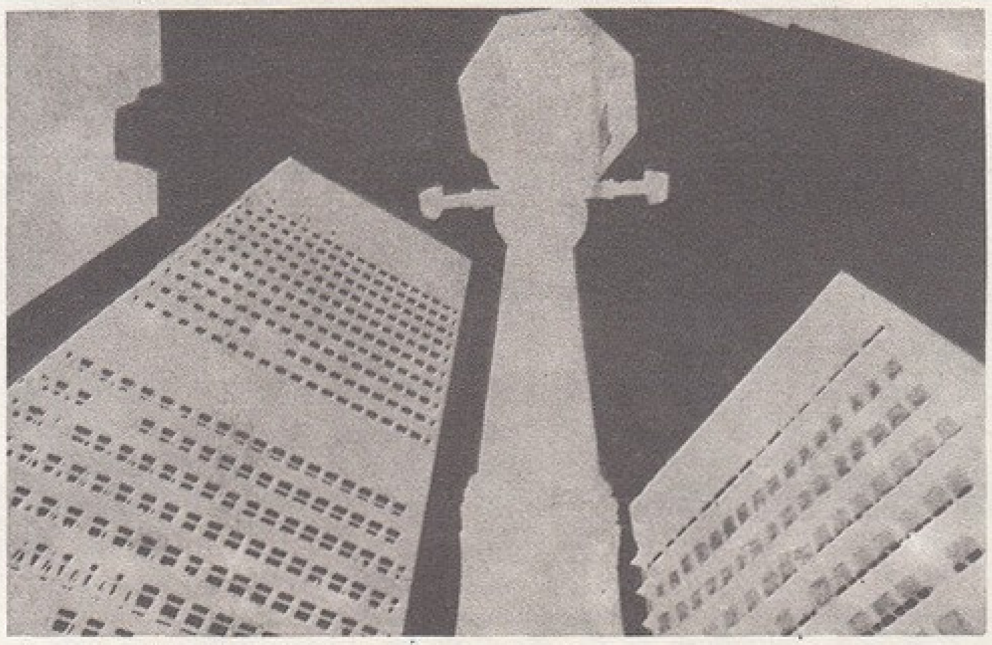
[1] *Панафриканский конгресс ЮАР — подпольная организация, борющаяся против расистского режима ЮАР.*

[2] *«Мпундула» на языке коса означает: «птица, которая вас*

В Преторию была послана шифровка. В ответной телеграмме от резидента потребовали любой ценой не допустить проведения пресс-конференции и найти способ навсегда обезвредить активиста Панафриканского конгресса, предварительно изъяв у него компрометирующие материалы.

В отличие от блестяще играющей сборной ЮАР по бейсболу, в честь которой и была названа операция с Бучезой, люди БОСС с первых же шагов допустили промах. Агент Боуэрома Сталманс, сотрудничавший в журнале «Африка энд Уорлд» и по совместительству занимавшийся вербовкой осведомителей среди южноафриканских эмигрантов по цене от 60 до 120 фунтов стерлингов в месяц, на сей раз сплоховал. Когда Бучеза отверг его предложение «продать фотографии для опубликования в журнале», Сталманс стал угрожать: «Вы слышали, — спросил он, — что случилось с Эдвардом Мангато, который тоже стал слишком распускать язык? Нет? Его сбил автобус в Кэмден-таун... Если вы думаете, что в Англии можно делать все, что угодно, то вы заблуждаетесь». После этого разговора только что поднявшийся с постели Бучеза выехал из комнатушки, которую снимал в негритянском квартале Ист-Энда, и не показывался ни в штаб-квартирах Панафриканского конгресса на Норт-энд-Роуд и лондонского отделения Движения против апартеида на Шарлот-стрит, ни тем более в «Замбези клаб», где его пытался завербовать Сталманс.

...Сварт еще раз перечитал шифровку и нажал кнопку интеркома, вызывая своего помощника А. Б. ду Приза, так же как

и он, числившегося первым секретарем представительства ЮАР в Лондоне. Из Претории прибыло двое специальных агентов службы безопасности — Кейт Уоллас и Джон Бестер, они уже несколько дней просаживали время в лондонских клубах и кабаках, так что пора было решать, кому из двух — Уолласу или Бестеру — поручить выполнение задания. Ду Приз отдавал предпочтение Бестеру: на родине тот долгое время работал агентом и следователем БОСС в Кейптауне и потому в решающий момент рука у него не дрогнет — в этом можно было быть уверенным. Сварт же отстаивал кандидатуру Уолласа. Конечно, опыта у него меньше, чем у Бестера, соглашался он, хотя и Уоллас в свое время служил в военной разведке ЮАР. Зато этот молодой человек полтора года провел в Лондоне в амплуа журналиста и знает город как свои пять пальцев, так что Бучеза не сможет от него оторваться. Да и выбрать подходящий способ, чтобы войти в контакт с африканцем, «журналисту» куда легче, чем Бестеру, от которого на милю несет полицейским. В конце концов остановились на компромиссном варианте, на «объект» выводятся оба, Уолласу поручается сама акция, Бестер подстраховывает.

Удача пришла тогда, когда ее меньше всего ожидали. В тот вечер Сибила Стюарт, изящная блондинка, числившаяся в секретной картотеке Сварта под кличкой «Сью», припарковала свой кремовый «Остин-1800» возле ничем не примечательного четырехэтажного жилого дома на одной из улочек в Уэст Хэмстеде. Предстояло провести контрольное прослушивание и запись того, что будет говориться в квартире некой Пэт Шэнкс, помощницы генерального секретаря «Студенческого христианского движения»[1], — обычное и довольно скучное задание, которое не раз приходилось выполнять Сью. Однако, как только блондинка, щелкнув тумблером специального устройства, доносившего до нее все, что происходило за закрытыми окнами гостиной на первом этаже, услышала первые фразы, она вздрогнула. Беседовали несколько человек, судя по обращению, одним из них был Сонто Бучеза. Сью отлично помнила эту фамилию — в последние дни шеф неоднократно произносил ее.

Сью настолько была поглощена тем, что попискивала ей в ухо крошечная бусинка контрольного наушника, что не заметила, как у машины остановились двое мужчин. «Не нужна ли помощь, мисс?» — спросил один из них. Второй всматривался в лицо Сью, которая постаралась как можно спокойнее ответить, что ждет мужа, на минутку зашедшего к другу. Незнакомцы еще раз подозрительно оглядели «остин» и скрылись в подъезде. Немного выждав, Стюарт отъехала к перекрестку и позвонила из автомата по указанному ей на экстренный случай номеру.

...После всего перенесенного Сонто Бучезой в заключении никто не осмелился бы назвать его трусом. И все же рассказ подошедших товарищей из Движения против апартеида о подозрительной машине, стоявшей у подъезда, встревожил Сонто. Конечно, Лондон не Претория, но Сонто лучше других представлял, что такое БОСС. Поэтому Бучеза дал слово друзьям не выглядывать из своей новой квартиры в Степни. Друзья проводили его до остановки автобуса. Стоя на задней площадке, Бучеза заметил в потоке машин не отстававшую, но и не перегонявшую автобус голубую «кортину». Возможно, это была просто случайность, но рисковать не стоило. На одной из остановок Сонто выскочил из автобуса и подозвал проезжавшее мимо такси. «К Паддингтонскому вокзалу», — бросил он шоферу, пытаясь рассмотреть в зеркале, не видно ли сзади голубой «кортины».

Когда-то Бучеза был в Брайтоне и запомнил небольшую гостиницу в начале набережной. Теперь, сойдя с электрички, он уверенно зашагал в ту сторону, откуда ветер доносил соленый запах моря. И все же Сонто проблуждал почти целый час, пока наконец не нашел розовую неоновую маргаритку над входом в «Флауэр инн». Получив от сонного портье ключи от «прекрасной комнаты с видом на море» — традиционная формула, которая едва ли могла прельстить в январе, — Бучеза поднялся по обшарпанной лестнице на третий этаж и запер за собой дверь номера. Он твердо решил не появляться в Лондоне до самой пресс-конференции и никому не сообщать, где находится. Бучеза внимательно осмотрел комнату, прикидывая, куда лучше спрятать чемоданчик с материалами, как вдруг раздался стук в дверь.

— Кто там? — спросил он, на цыпочках подойдя к двери и прислушиваясь.

— Простите, мистер, вы не заполнили регистрационную карточку! — раздался хрипловатый голос портье.

Бучеза облегченно вздохнул. «Сейчас, извините», — сказал он, поворачивая ключ. Дверь распахнулась, и в комнату вошел высокий брюнет в очках, одетый в темно-зеленую замшевую куртку и поношенные вельветовые брюки...

На следующий день в протоколе, составленном брайтонской полицией, было записано, что в номере гостиницы «Флауэр инн» несколькими ножевыми ударами убит неизвестный африканец, остановившийся там накануне поздно вечером. Труп лежал на постели, укрытый покрывалом, в запертом снаружи номере и был обнаружен утром горничной, пришедшей убирать комнату. Вещей и документов у неизвестного не было, хотя банкнот в 100 долларов и два пакетика героина, завалившиеся за кровать, позволяли предположить, что убитый был связан с преступным миром.

...К концу января настроение первого секретаря представительства ЮАР в Лондоне бааса Сварта настолько улучшилось, что даже доклад его помощника ду Приза — «эта тряпка Уоллас пьет напропалую и может где-нибудь проболтаться» — не обеспокоил резидента БОСС. «Похоже, лечение не пошло ему на пользу, — ведь в ноябре шестьдесят девятого мы уже высылали домой нашего журналиста. Может, стоит подумать о кардинальных мерах, может, Бесту стоит поговорить с ним серьезно?» — спросил Сварт ду Приза, предоставляя таким образом своему помощнику шанс проявить инициативу...

Как писал позднее лондонский еженедельник «Обсервер», «чек, который ежемесячно пересылался Уолласу за работу на разведку ЮАР, на этот раз был выписан на банковский счет его родителей, проживающих в Иоганнесбурге».

Операция «Бейсбол» была закончена.

пожирает». Так африканцы в ЮАР называют машину для пыток электрическим током.

[1] «*Студенческое христианское движение*» — *либеральная организация, активно выступающая против апартеида.*

Этот английский наемник в традиционном головном уборе бедуинов — кадровый офицер, один из тех, кто обучает армию султана антипартизанской войне.

Военная музыка на парадах в британском стиле. Новоявленные «лоуренсы аравийские» пытаются сделать из этих солдат послушное орудие неоколонизаторов.

ОРЛИНЫЙ КЛЕКОТ

А. КЛИМОВ

Свежая могила. На бетонной плите в строго продуманном беспорядке разбросаны желтые искусственные розы. И надпись: «Капитан Р. К. Джоунс, 1947—1972». Под этой плитой, розами и надписью лежит парень с туманных островов, который, очевидно, никогда в жизни не думал, что его кости будет согревать жаркий, мягче, чем бархат, песок... Капитан королевских ВВС погиб в войне, которую не один год ведет его родина — Англия и о которой не так уж много известно подданным ее величества, да и другим людям во всем мире.

Но такая война есть, и в ней все, как писал один репортер, «вплоть до специальной обуви для пустыни, принадлежит англичанам». Да, есть такая земля, которую топчут чужие солдаты, обутые в спецпустынные ботинки, получающие спецколониальные и оставляющие свои бренные останки в песке, который мягче, чем бархат. Называется она Дофар.

Дофар — 70 тысяч квадратных километров с населением 250 тысяч человек — всего лишь провинция небольшой страны Оман, расположенной на юге Аравийского полуострова. А султанат Оман — всего лишь самый крупный по площади и населению из английских протекторатов в Аравии.

Итак... «Настоящим оманскому народу разрешается: открывать школы, слушать радио, летать на самолетах, носить брюки, очки, обувь, пользоваться электричеством, ездить на велосипеде, играть в футбол, разговаривать на улице дольше пятнадцати минут, курить, ходить в ночное время без зажженного фонаря» и прочее, и прочее. Примерно так обратился к подданным в одном из своих первых указов нынешний оманский султан Кабус. Новый султан — новые указы, новые свободы! Да и как могло быть иначе, если новый султан — выпускник Королевской военной академии в Сандхерсте. «Либерализация», которую громогласно прокричали муэдзины и единственная газета Омана, была очевидной. Во-первых, таково веление аллаха, во-вторых, разве можно сравнить демократа-сына (см. указ) с отцом Саид-ибн-Теймуром, который с 1932 года правил страной исключительно по телефону! Саид-ибн-Теймур никогда не выходил за ограду дворца. Все боялся, что его свергнут. Опасения в один прекрасный день подтвердились. Но кто, спрашивается, мог ожидать, что это сделают его друзья-англичане вкупе с его же собственным сыном?!

Так что это за земля, Дофар? И что смешало на ее сухой земле трагический фарс феодальных порядков с жестокой расчетливостью англичан; отчего на постоялых дворах этой земли, родословная которых уходит в средневековье, в наши дни услышишь немецкую, японскую, английскую с американским акцентом, а главным образом чисто английскую речь? Ответим сухой констатацией, заимствованной из английской газеты «Санди таймс»: «Оман до сих пор зиждется на двух столпах: Великобритании и «Петролеум дивелопмент оф Оман» (ПДО). Этой компании передана в концессию большая часть территории султаната Оман, включая и весь Дофар». И еще добавим, если кто не понял: Оман — это НЕФТЬ.

...Примерно полтора десятка лет назад во внутренних районах страны, в горах Джебель Адхар вспыхнули первые мятежи против колонизаторов. Англичане жестоко подавили их и оставили свои гарнизоны в Джебеле, эль-Хувейсе, Фахуде и Натине. Англичанами двигал оправдавший себя расчет: сейчас в тех местах крупные нефтепромыслы, от них к порту Маскат проложен нефтепровод. Но однажды вдохнувший воздух свободы от него не откажется. И восемь лет назад в Дофаре, то есть на западе Омана, развернулось новое антиколониальное движение. Если раньше движение возглавлял имам Галеб — феодальный князь и лидер религиозной

секты, то теперь — Народный фронт освобождения Омана и Персидского залива (НФООПЗ). В среде наиболее угнетенных и обездоленных людей пустила корни мысль решительно преобразовать общество, поломать старую феодально-колониальную структуру.

В этой стране, закрытой англичанами для журналистов, удалось побывать моему давнему институтскому товарищу, теперь корреспонденту «Правды» Алексею Васильеву. Я хочу привести один абзац из его корреспонденции из Дофара:

«Как легенду, из уст в уста передают в Дофаре рассказы о первой школе, созданной в освобожденных районах. В нее мечтают попасть дети рабов из Салалы и бойцов НФООПЗ, пастухов и рыбаков. Когда мы увидели здесь, в отрезанных от всего мира горах, доску с надписью: «Школа имени Ленина, основана 1 апреля 1970 года», то к горлу невольно подкатился комок...»

Для взрослых тоже есть школы. В учебных лагерях проходят военное обучение, чтение и письмо, политическое образование. Каждый вечер, когда улетают английские самолеты, собираются у костра бывшие рабы, просто бедняки, вчерашние кочевники. Они говорят о предстоящих боях и о том, что сегодня случилось в мире. У организаторов этой школы задача одна — научить партизан мыслить. Они и сами, организаторы, лидеры освободительного движения, постоянно учатся, стремясь овладеть марксистско-ленинской теорией.

...Глава IV учебника для партизан называется «Почему мы победим?». Коротко ее содержание сводится к следующему: империализм и связанные с ним реакционные силы ведут агрессивную войну, им противостоят повстанцы Дофара, ведущие борьбу за освобождение от колониализма и феодализма. Несмотря на временные поражения и отступления, опираясь на трудовые массы, вооруженные революционной моралью и сознанием бойцы Дофара победят. Их поддерживает в борьбе мировое общественное мнение, с каждым днем усиливающийся в мире гнев против колониализма и агрессии.

Англичане знают, как сражаются бойцы НФООПЗ. Быстрота реакции на рейды противника, тактическое мастерство в проведении собственных операций, крепкая связь с населением, мужество, стойкость, а главное, ясное сознание справедливости своей борьбы — вот что делает Народный фронт неодолимой для английских спецвойск силой.

Такая это земля — Дофар...

Прилетающих на военном самолете, а только такие самолеты совершают рейсы из Маската в Салалу, встречает высокий, крепко сложенный мужчина. Он приглашает пройти к автомобилю, украшенному султанским флажком на крыле. Обязанность представительного мужчины — провожать вновь прибывших во дворец нынешнего султана. Это не особая привилегия: любой иностранец, которому разрешен въезд в главный город провинции Дофар, официально является гостем султана.

Романтичная традиция, не правда ли? Будто повеяло ароматом восточной сказки... Разгадка, правда, не за горами. После непродолжительного пребывания в Салале становится ясно: город окружен колючей проволокой, никто не может ни войти, ни выйти, не предъявив пропуска. Время от времени над миниатюрным дворцом Салалы пролетает вертолет, дабы убедиться, что в городе все спокойно.

Причин для беспокойства предостаточно. До недавнего времени тактика Великобритании состояла в том, чтобы ограничить революционное движение территорией Дофара, которая не представляла для колонизаторов особого стратегического или экономического интереса, за исключением разве что базы в Салале. Но вот пришел день, когда повстанцы открыли второй фронт борьбы во внутреннем Омане и начали наступление в направлении богатых нефтью районов. Зашевелились лондонское Сити и лондонский Уайт-холл. Заработала колониальная машина, забегали чиновники, помчались на совместные совещания директора и президенты, защелкали, заурчали, обрабатывая новое задание, новейшие электронные системы. И вот решение: надо сменить неописуемо девственный архаизм Саида-ибн-Теймура, надо внедрить «либерализм».

«Союз» между Англией и Оманом существует с конца XVIII века. Накопилось множество договоров, соглашений, трактатов. Но времена меняются. То, что Черчилль когда-то назвал «трудным искусством уйти, чтобы еще ощутимее остаться», в наши дни в Омане превратилось в военный приказ: офицеры-англичане отчисляются из состава регулярных войск Великобритании и «добровольно» становятся под бело-красное знамя султана, присягая последнему в верности.

— Мы — оманцы...

Эти слова часто произносятся на арабском языке, но подводит английский выговор. Тем не менее их любит произносить главнокомандующий оманской армии, «главный защитник султана» Джон Грэхэм, генерал. В его окружении крепкие парни. Они в свое время воевали в Южном Йемене против Национального фронта, в Северном Йемене на стороне роялистов. Некоторые попали сюда через посредническое бюро, созданное английским разведчиком полковником Стирлингом, открывшим вербовочный пункт под вывеской торговой компании «Уочгард интернэшнл лимитед». Это бюро поставляет в страны Азии и Африки наемников-специалистов по «антипартизанской войне». Сегодня около 200 человек командуют воздушными и сухопутными силами Омана, обучают их, ведут в бой против партизанских отрядов Дофара и выполняют другие специальные секретные задания, суть которых уже давно ни для кого не является секретом.

Понятно, почему так часто в Омане употребляется выражение «невидимое правительство». Под этим подразумевается заполоненный англичанами штаб вооруженных сил султана. Он выполняет самые разнообразные функции, в том числе и такие с виду мирные, но с военной точки зрения крайне необходимые, как поддержание порядка, доставка почты, связь между провинциями, подготовка служащих для государственных учреждений, контроль радиовещания.

Подобно государственному бюджету и контракту на нефтяную концессию, заключенному с «Петролеум дивелопмент оф Оман», текст англо-оманского договора, на основании которого в стране так вольготно чувствуют себя англичане, считается государственной тайной. Сам «просвещенный и либеральный» султан Кабус в беседе с корреспондентами както разоткровенничался:

— Да, существует договор. Он был заключен в 1958 году на 30, 40 или 50 лет — я точно не помню. Нет, я его не опубликую и не передам ни моему правительству, ни моему премьер-министру. Такого рода дела входят в компетенцию только султана.

Что уж тут говорить, печальный опыт Саида-ибн-Теймура учит нового султана.

...Ночью на город обрушивается град снарядов, которые нередко падают и во двор султанского дворца. Менее чем в 10 километрах от Салалы возвышаются горы, контролируемые партизанами. Днем истребители-бомбардировщики, пилотируемые англичанами, сбрасывают свой смертоносный груз на «вражеские деревни», притаившиеся в ложбинах между скал.

Пока армия занимается своими делами, политики занимаются своими. Упорные бои, расширение революционного движения побуждают Англию, а вместе с ней и ее союзников к принятию особых мер. Не без английского давления утихли споры между Саудовской Аравией и Оманом за главенство на Аравийском полуострове; теперь между ними любовь. Любовь, взращенная ненавистью к освободительному движению, к социальным переменам. И вот уже в октябре — ноябре 1970 года Саудовская Аравия совершает агрессию против Народной Демократической Республики Йемен (НДРЙ), имеющей общую границу с Дофаром. В жаркое дело брошены тысячи наемников (опять наемники!), бежавших из Южного Йемена и теперь собранных в «армию освобождения». Цель агрессии — не только расколоть НДРЙ, но и ликвидировать единственную в то время базу поддержки партизан Дофара. Агрессия бесславно провалилась.

О новом шаге Саудовской Аравии сообщила бейрутская газета «Ас-Сияса»: для борьбы против ширящегося революционного движения Дофара султану Омана предоставлена финансовая помощь в размере шести миллионов фунтов стерлингов и большое количество вооружения.

Трудно поверить, что там, где затронуты нефтяные интересы, там, где горячо, не замешаны нефтяные магнаты США. Нет, конечно, США тут как тут. Конечно же, США снабжают оружием Саудовскую Аравию — кстати, после провала агрессии против НДРЙ на параде победы в Адене провезли захваченное в боях американское оружие. Но интересы США, по словам помощника государственного секретаря Дж. Сиско, «выходят далеко за пределы нефти...».

Этот объединенный фронт создан для того, чтобы не допустить победы Народного фронта освобождения Омана и Персидского залива собственно в Омане, распространения его идей на всю территорию Аравийского полуострова. Ведь речь здесь в конечном счете идет не только о нефти, но и о том, быть или не быть иностранному господству в этом некогда «заповедном поле» колониализма.

...Высоко над пустыней в ослепительно голубом небе летают орлы. Орлы в родном небе. На земле Дофара клекот орлов — пароль повстанцев — звучит так же гордо, как и в небе: родине быть свободной!

Усташи — давние враги югославского народа. Сорок с лишним лет существования этой организации хорватских фашистов отмечены бесчисленными преступлениями, кровавыми диверсиями и террором. Едва сформировавшись на территории Италии, вооруженные отряды усташей осенью 1932 года высадились на адриатическом побережье Югославии, чтобы спровоцировать сепаратистское движение в Хорватии. Однако, не встретив поддержки у народа, усташи обратились к мстительному террору. Так была написана первая глава преступной истории усташей. Два года спустя об усташах заговорили в связи с убийством в Марселе югославского короля Александра и встречавшего его французского министра иностранных дел Луи Барту. На этот раз усташские террористы выступили в качестве наемных убийц, продавшихся гитлеровским фашистам, стремившимся не допустить сближения Югославии и Франции.

Пожалуй, наиболее полно об изуверском характере усташских банд можно судить по личности их бессменного (вплоть до смерти в Мадриде в 1959 году) руководителя — поглавника (фюрера) Анте Павелича.

Вот как живописует встречу с этим поглавником итальянский писатель Курцио Малапарте:

«Хорватский народ,— говорил мне Анте Павелич,— хочет, чтобы им управляли с добротой и справедливостью. И я здесь для того, чтобы обеспечить доброту и справедливость».

Пока он говорил, я смотрел на ивовую корзину, стоявшую на письменном столе справа от Павелича. Крышка была приподнята, и было видно, что она полна каких-то морских продуктов. По крайней мере, так мне показалось. Можно было подумать, что это устрицы, но уже извлеченные из своих раковин...

«Это устрицы из Далмации?» — спросил я у поглавника.

Анте Павелич открыл крышку корзины и, показывая эти «дары моря», сказал мне, улыбаясь своей доброй, усталой улыбкой:

«Это подарок моих верных усташей — двадцать килограммов человеческих глаз».

Ему же, властолюбивому и жестокому маньяку, принадлежат слова: «Хороший усташ должен быть всегда готов вырезать ребенка из чрева матери». И это не просто слова. Это дела его и его «верных усташей» на всем протяжении существования организации.

Следующая кровавая глава в истории усташей открывается в 1941 году, когда банды Павелича вслед за войсками гитлеровских оккупантов ворвались в Югославию.

10 апреля 1941 года с благословения Гитлера и Муссолини они объявили о создании на территории Хорватии, Боснии и Герцеговины «Независимого Хорватского государства», фактическим правителем которого стал Павелич, хотя на хорватский «престол» оккупанты посадили итальянского герцога Сполетто, принца Савойской династии. Рука об руку с гитлеровцами наводили усташи кровавый «новый порядок» в Югославии.

Недалеко от Загреба, в болотистом местечке Ясенаке, был создан концлагерь. До сих пор помнят люди о расстрелянных патриотах, убитых детях, о почти миллионе замученных там людей.

После того как Советская Армия и Народно-освободительная армия Югославии разгромили военные группировки фашистских оккупантов, предатели югославского народа бежали на Запад. Сам Павелич вначале скрывался в Австрии и Италии, затем бежал в Аргентину, а оттуда перебрался в Испанию. После войны усташская организация, возглавляемая Павеличем, была переименована в «Хорватское освободительное движение» с оперативным центром в Мюнхене. С некоторых пор, по слухам, центр усташских организаций перебрался в Швецию. Подобные центры обосновались также в Австралии и Латинской Америке. Всех их между собой связывает столь же старая, сколь и безнадежная идея расчленения Югославии и создания «Независимого Хорватского государства» по типу «государства Павелича», бессильная злоба против Социалистической Федеративной Республики Югославии.

Именно звериной ненавистью к народной Югославии пишется послевоенная и, можно не сомневаться, последняя глава истории усташской своры. Чувствуя приближение конца, банды усташских террористов устраивают покушения на дипломатов СФРЮ за рубежами страны, а пробравшись в Югославию, организуют диверсии на железных дорогах, взрывы в общественных местах.

В усташских газетах и листовках, издаваемых на Западе, проповедуются националистические, антиюгославские идеи, публикуются призывы к террору. К примеру, в газете «Хорватская борьба» можно часто встретить такое объявление: «Если не знаешь, что подарить другу, купи ему револьвер».

Растет список преступлений усташей против югославского народа. В мае 1968 года на центральном вокзале Белграда почти одновременно прогремели два взрыва. Это сработали механизмы «адских машин», подложенных по заданию усташской организации агентом И. Еличем.

13 июля 1968 года в самом большом кинотеатре Белграда имени 20 октября во время вечернего киносеанса взорвалась бомба, подложенная усташскими диверсантами. Были убитые и много тяжелораненых.

25 сентября 1968 года ночью опять последовал взрыв на центральном вокзале столицы — 16 раненых увезли санитарные машины.

За последние годы участились террористические акты усташей против дипломатических представительств СФРЮ за границей. Вот некоторые из них. В марте 1968 года взорвалась бомба перед югославским консульством в Австрии. В августе взорвалась бомба во дворе югославской миссии при ООН в Нью-Йорке. В том же месяце в Триесте подготавливалась диверсия против представительства СФРЮ. Однако бомбы из-за ошибки одного из террористов взорвались в руках у подрывников. В июне 1969 года усташские бомбы взорвались перед югославским консульством в Сиднее, а в сентябре — перед югославским посольством в Канберре. Летом того же года выстрелами из револьвера были ранены сотрудники югославской военной миссии в Западном Берлине. Примерно в это же время был подожжен филиал югославского представительства во Франкфурте-на-Майне. В 1970 году взорвалась бомба перед резиденцией югославского посла в Брюсселе, а через три месяца у ограды посольства нашли неразорвавшуюся бомбу. В октябре бомба была брошена в югославское консульство в Мельбурне. В феврале 1971 года усташи напали на югославское консульство в Гетеборге и захватили в качестве заложников сотрудника консульства, его супругу и еще одну женщину, требуя, чтобы в Югославии освободили из тюрьмы осужденного усташа-диверсанта и выплатили «откупные» в 100 тысяч долларов.

Два месяца спустя усташи совершили на территории Швеции новое преступление. 7 апреля усташские террористы совершили вооруженное нападение на югославское посольство в Стокгольме. Проникнув утром на территорию посольства, а затем в кабинет посла, они смертельно ранили его. В те дни стокгольмская вечерняя газета «Афтонбладет» писала, что усташские террористы на своем секретном сборище заранее наметили план нападения на югославских дипломатов в Швеции. Причем дата исполнения этого плана была ограничена 10 апреля, то есть днем, когда усташи празднуют годовщину подписания Павеличем и Гитлером пакта о создании «Независимого Хорватского государства».

Достаточно познакомиться с биографиями хотя бы нескольких усташей, чтобы понять, что эти «борцы за независимость» в действительности — уголовные элементы.

В подготовке и нападении на посольство СФРЮ в Стокгольме участвовало пять человек. Их биографии, как это было установлено на суде в Стокгольме, похожи одна на другую. Все принадлежат к младшему поколению усташей, исполняющих приказы своих старших боссов, некогда зверствовавших в Югославии. Одному из убийц, А. Брайковичу, двадцать три года. Несколько лет назад он бежал из Югославии в Италию. Там «купил» документы и перебрался в Западную Германию, оттуда в Швецию. Трудиться он никогда не любил, всегда искал легкую жизнь и легкий заработок, потому-то довольно скоро по прибытии в ФРГ попал на крючок усташских «ловцов душ». Другому убийце, М. Барешичу, двадцать один год. Еще в Югославии он много раз попадал в тюрьму за кражи и бандитизм. Соучастник в преступлении А. Стоянов, тридцати шести лет, бежал из Югославии в 1959 году, не захотев отбывать воинскую повинность. Несколько лет скитался по эмигрантским лагерям Западной Европы, а потом перебрался в Швецию...

В минувшем году усташи предприняли ряд новых диверсий, направленных против СФРЮ. В конце июня на территорию Югославии проникла террористическая группа, которая была вооружена винтовками с оптическим прицелом, бесшумными пистолетами и оснащена радиостанцией большого радиуса действия. Она обосновалась в районе Западной Боснии. В ходе первых же схваток с работниками органов безопасности, частями территориальной обороны, как говорилось в официальном сообщении органов внутренних дел СФРЮ, террористическая группа была разгромлена.

Еще до этих событий, в начале 1972 года, над северо-западной частью Чехословакии взорвался югославский самолет, следовавший из Стокгольма в Белград. Погибли 22 пассажира и 6 членов экипажа. Случайно оставшаяся в живых стюардесса рассказала, что самолет взорвался в результате взрыва бомбы замедленного действия, подложенной в багажное отделение.

В августе 1972 года из шведской тюрьмы в Кумле, где содержатся особо опасные преступники, был совершен побег пятнадцати преступников. Среди них были и убийцы югославского посла в Швеции.

На поиски были брошены крупные полицейские силы. Вертолеты кружили над лесными массивами, полицейские автомобили и мотоциклы патрулировали шоссейные и проселочные дороги; одетые в пуленепро-

агония обреченных

М. ВАСИЛЬЕВ

бивaемые костюмы полицейские с овчарками прочесывали лес, по рекам и озерам носились полицейские катера и моторные лодки. Это была, как писали в западной прессе, самая крупная операция, проведенная в Швеции после второй мировой войны. В операции принимало участие свыше тысячи полицейских. Поиски продолжались третий день, а результатов все не было. Но вот в штаб, руководивший операцией, поступило сообщение некоего автомобилиста, утверждавшего, что он видел разыскиваемых на шоссе, где они пытались остановить какую-либо машину, чтобы добраться, как они сказали, до гетеборгского аэродрома «Торсланд». После этого сообщения аэродром был блокирован полицией. Но только через три дня были схвачены четверо из пятнадцати бежавших. Среди них оказались и убийцы югославского посла. Через несколько дней удалось поймать и остальных.

Вскоре усташами в Швеции была предпринята еще одна акция, которая свидетельствует, что «деятельность» организаций подобного типа может угрожать безопасности граждан многих стран. 15 сентября 1972 года реактивный лайнер Скандинавской авиатранспортной компании совершал дневной рейс на внутренней линии Гетеборг — Стокгольм. На борту самолета находились 86 пассажиров и 4 члена экипажа. Взлет был обычным, нормально протекали первые минуты полета. Пассажиры расстегнули ремни, облегченно вздохнув после благополучного взлета. И вдруг внимание всех привлекли три вооруженных человека, прошедших уверенным шагом из хвостовой части самолета к кабине пилота. Их не все сразу заметили, не все сразу поняли, что происходит. Позднее пассажир, переживший эту драму, рассказывал, что некоторые на первых порах подумали: «Видимо, идут какие-то военные учения». А в этот момент один из вооруженных людей вошел в кабину пилота, а двое других, держа в руках автоматы, приказали пассажирам не трогаться с места.

Самолет вылетел из Гетеборга в 4 часа дня, а в 4 часа 47 минут пилот самолета докладывал на командно-диспетчерский пункт о том, что самолет похищен и летит на юг, в Мальмё. В 5 часов 30 минут пилот радировал, что похитители требуют освобождения из тюрем Швеции семи находящихся в заключении усташей. А в самолете в это время воздушные пираты, наставив дула автоматов на пассажиров и приказав им поднять руки, обыскивали их карманы, портфели, бумажники и дамские сумочки. Вскоре захваченный усташами самолет совершил посадку в аэропорту Булльтофта. Сюда были уже стянуты все наличные в Мальмё полицейские силы.

Похитители предупредили диспетчерский пункт, что, если полицейские приблизятся к самолету хоть на метр, самолет вместе с 90 пассажирами и членами экипажа будет взорван. Из самолета был выпущен только один человек — чтобы передать требование похитителей властям, остальные оставались в самолете в качестве заложников.

А в это время в Стокгольме премьер-министр Швеции Улоф Пальме созвал чрезвычайное заседание кабинета для обсуждения требований похитителей. Министр юстиции Швеции Леннарт Гейер немедленно прибыл в Мальмё на контрольно-диспетчерский пункт аэропорта и вел переговоры с похитителями. Во время напряженного ожидания в самолете у некоторых пассажиров начались сердечные приступы,

Рис. В. Грызлова

обмороки. Тогда «хозяева положения» милостиво разрешили пятерым больным пассажирам покинуть самолет и прыгать из машины на взлетно-посадочную полосу. За три часа до истечения срока ультиматума шведское правительство объявило, что оно предложило министерству обороны выделить вертолеты для доставки семерых заключенных в Мальмё. Вооруженные похитители ответили министру юстиции, что, как только семеро заключенных будут доставлены в аэропорт и переданы с вертолетов на самолет, все пассажиры будут освобождены, а самолет вылетит в неизвестном направлении. Для того чтобы успокоить пассажиров и их родственников, шведские власти разрешили усташам, доставлявшимся из четырех тюрем Швеции, разговаривать по радиотелефону с похитителями самолета. Вскоре на аэродром были доставлены первые трое усташей. Их привезли на полицейских автомашинах, которые остановились на поле. Взамен с борта самолета смогли сойти около 40 пассажиров-заложников. Немного позднее на борт самолета поднялись еще трое усташей. На борту захваченного самолета уже было шесть усташей, седьмой отказался от такого «освобождения». Между тем один из доставленных в аэропорт арестантов решил было отделаться от своей «компании». Воспользовавшись мглой, он сделал попытку улизнуть, но маневр был замечен, и он был насильно втащен усташами в самолет. Обычно усташи жестоко расправляются с теми из своих, кто решается порвать с ними. Заповедь поглавника Павелича «предавший дело должен умереть» выполняется неумолимо. Уже много раз полиция находила трупы усташей, продырявленные пулями или с невынутым из сердца ножом. Так было в предместьях Парижа, так было на юге Швеции, в ФРГ и в других странах.

Пришло время освобождать остальных 50 пассажиров. Однако усташи, добившись удовлетворения своих требований, не торопились выполнить свое обещание. Прежде всего они потребовали заправить самолет горючим и оповестить аэродромные службы соответствующих стран о возможном пролете самолета над Копенгагеном, Гамбургом, Цюрихом и городами Италии. Это было сделано. После этого они заявили по радио на диспетчерский пункт, что выдвигают новое требование. Они предложили правительству Швеции выплатить им миллион крон (200 тысяч долларов) в качестве «компенсации за несправедливые приговоры». Правительство Швеции отклонило это наглое требование. Тогда усташи уменьшили сумму наполовину. Они потребовали выплатить им 500 тысяч крон наличными, заявив при этом, что если их требование будет отклонено, то они улетят вместе с оставшимися 50 пассажирами. Ими был установлен срок передачи денег — не позднее 7 часов утра. Подкрепляя свою угрозу, они вытащили на середину салона таинственно выглядевший большой мешок. Пилот радировал на КП о том, что в самолете создается угрожающее положение.

Террористам сообщили о согласии выплатить 500 тысяч крон наличными. Похитители потребовали, чтобы деньги были принесены и оставлены у самолета, так, чтобы были видны из иллюминаторов. Только после этого началось освобождение оставшихся пассажиров-заложников. Недалеко от самолета стояли с поднятыми вверх руками двое полицейских и наблюдали за выходом пассажиров.

Двери самолета плотно закрылись. На борту самолета остались четыре члена экипажа и девять усташей; среди них: трое похитителей — все они из гетеборгской усташской организации, двое убийц югославского посла, двое соучастников в убийстве и двое террористов, отбывавших наказание за нападение на югославское консульство в Гетеборге. В 9 часов утра самолет поднялся в воздух. Через несколько часов шведский лайнер сделал посадку на аэродроме в Мадриде.

Здесь состоялась короткая беседа трех террористов с представителями испанских властей. После беседы были освобождены члены экипажа — два пилота и две стюардессы, а затем из самолета вышли все девять усташей-террористов. На нескольких полицейских автомашинах их отвезли в Мадрид.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что усташи совершают свои террористические, гангстерские акции почти синхронно — стало быть, у них хорошо налажена, по крайней мере в европейских масштабах, связь. Взрывы подброшенных ими в разных странах и разных городах бомб раздаются почти одновременно.

15 сентября 1972 года усташами был захвачен шведский самолет, 13 и 14 сентября 1972 года в посольстве СФРЮ в Стокгольме и комиссариате полиции раздавались настойчивые телефонные звонки с требованием освободить арестованных и осужденных усташей, иначе будет взорвано югославское посольство. В это же время в Австралии другая группа усташей предпринимает диверсию против югославского торгового и туристского представительства в Сиднее. Взрывается бомба, ранено 16 человек.

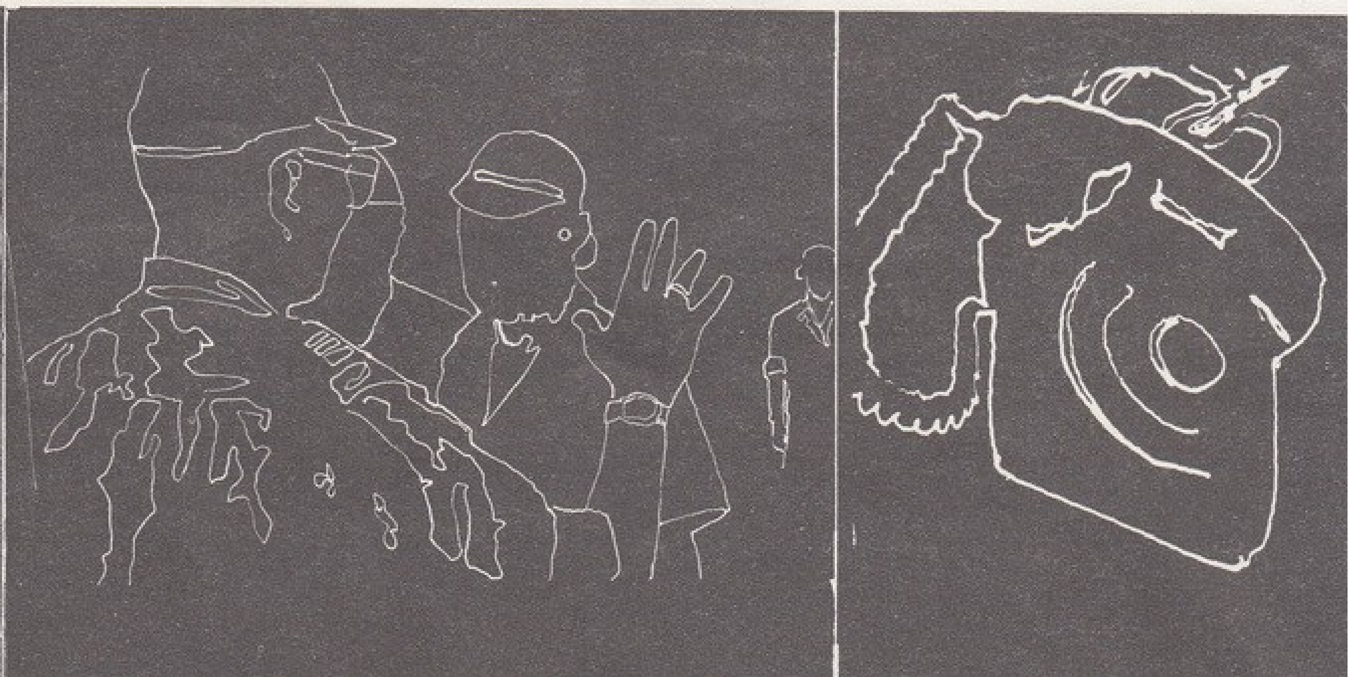
Усташи активно сотрудничают с неофашистскими организациями в капиталистических странах, они и сейчас числятся в активе некоторых империалистических разведок и щедро субсидируются из фондов, предназначенных на подрывную деятельность против социалистических стран.

Такова коротко история этой черной сотни, порожденной международной реакцией. История агонии недобитой фашистской своры.

Эрнст ГЕНРИ

ПОСЛЕДНИЕ

Нет, мы не можем пока сказать, что дни этих чудовищных организаций сочтены. Могущественные группировки — те, кому на руку террор и насилие, — еще не раз будут прибегать к услугам убийц и диверсантов, президентов-марионеток и генералов-горилл. И все же исторически они обречены. Порукой тому солидарность свободолюбивых народов земли.

Массовые убийства из-за угла в Гватемале. Убийство югославского посла в Швеции. Убийство деятеля южноафриканского национального движения в английской гостинице. Взрыв югославского самолета на пути из Стокгольма в Белград. Налеты наемников «невидимого правительства» на населенные пункты в Южной Аравии. Террор в дебрях Африки...

Похоже на то, что мы смотрим какой-то бесшабашный гангстерский фильм. Но это действительность 70-х годов.

Разные страны и части света, разные действующие лица, разные сенсационные сообщения. Можно ли установить связь между ними? Да, если вглядеться повнимательнее, можно.

Перед нами операции агентов самых реакционных сил нашего времени, тех, кто не согласен с XX веком и готов на все, чтобы остановить современную историю, заставить ее сойти с рельсов.

Удивляться не приходится. Такие силы существовали во все времена. В каждом столетии они пытались всеми способами помешать людям сделать хотя бы шаг вперед. В наш век, когда человечество неуклонно движется по пути создания нового, справедливого общества, крайняя, черная реакция стала опасной вдвойне. Один из ее признанных идеологов, бывший кандидат в президенты США Голдуотер, как-то сформулировал ее программу следующим образом: «Мы скорее отправим весь мир на тот свет, чем позволим ему жить при коммунизме». Это не было шуткой. Ученики Голдуотера в разных странах думают точно так же. Как сообщает в своей статье в этом номере «Ровесника» Ю. Богданович, нынешний президент Гватемалы генерал Осорио заявил: «Если для умиротворения страны нужно превратить Гватемалу в могилу, не думайте, что я поколеблюсь это сделать».

Так именно и планируют свои действия в наши дни черные реакционеры в разных углах земного шара. Игра ва-банк, чего бы она ни стоила, к чему бы ни привела! Заговоры, провокации, диверсии, террористические акции. Все в конечном счете направлено к одному: сорвать мирное сосуществование государств, запугать народы, восстановить неограниченное господство империалистов над миром. Назад к XIX веку!

Буржуазных политиков этого направления называют по-разному: «бешеными», «ястребами», «ультра», «экстремистами». Их можно поделить на несколько главных групп, каждая из которых, помимо общей

XX ВЕКУ ВОПРЕКИ

для всех ненависти к прогрессу и социализму, преследует свои собственные интересы. Самую важную роль в штабе международной реакции играют сейчас последние колониалисты старого типа, все еще пытающиеся держать целые народы за колючей проволокой, так, как это по сей день происходит в Родезии, ЮАР, Анголе, Мозамбике, Гвинее (Бисау), в южноаравийских султанатах и некоторых других районах. Взгляды таких политиков немногим отличаются от взглядов рабовладельцев Юга США в прошлом веке. Но эти люди все еще пользуются немалым влиянием в империалистических кругах.

В одном ряду с ветхозаветными колониалистами стоят деятели военно-промышленного комплекса США, Англии и ФРГ, нажившие в последние годы на поставках странам НАТО сказочные состояния. Для них международная политическая разрядка грозит большими убытками, даже банкротством. Военные монополии тоже не хотят мира на земле.

К тому же лагерю ультра примыкают современные фашисты, расисты и крайние националисты всех расцветок (вроде хорватских усташей), правые генералы и полковники, мечтающие стать диктаторами в своих странах, реваншисты, замышляющие третью мировую войну, и другие. Тайные нити от таких политиков и дельцов ведут и к некоторым натовским странам, когда-то помешавшимся на атомной бомбе и все же упорно разрабатывающим планы внезапной, «превентивной войны» против социалистических стран.

Агентура «бешеных» действует повсюду. Так объясняется тот изумляющий многих неискушенных людей факт, что явно бандитские организации, составленные из подонков капиталистического мира, на протяжении многих лет вмешиваются в международные дела, устраивают опасные провокации и где только можно подливают масло в огонь. Ключ в слове «деньги».

Установлено, что, где бы ни действовали силы черной реакции, в их распоряжении обычно немалые средства. Кто-то им покровительствует, и большей частью это даже не секрет. Всем известно, что за спиной реакционных наемников на Арабском Востоке стоят совершенно определенные нефтяные корпорации США и Англии. За спиной заговорщиков и террористов в Латинской Америке те же корпорации, американские медные, телефонные и банановые концерны, ЦРУ, а также местные богачи — латифундисты. Негласные кассиры западногерманских реваншистов и неофашистов — хозяева трех или четырех крупнейших военных концернов на юге ФРГ и старые нацистские миллиардеры — семейства Фликов и Квандтов. За ширмой южноафриканского расизма и португальского колониализма — владельцы алмазных, золотопромышленных, медных, урановых и банковских монополий Черного материка. За спиной «ястребов» в США огромные ракетно-атомные тресты, в частности в Калифорнии.

У каждого большого бизнеса своя политика. Когда стремящиеся к миру народы начинают мешать их темным делам, миллиардеры дают сигнал к заговорам и закулисным интригам. Этим и дышат политические гангстеры в разных странах. Пока их подкармливают недовольные ходом мировых событий магнаты капитала, они со сцены не сходят. Одна банда наследует другую.

Это не значит, что вся капиталистическая буржуазия идет сегодня по такому авантюристскому пути. Думать так было бы серьезной ошибкой. В настоящее время в лагере международной буржуазии происходит раскол. Интересы гигантских военных и колониальных монополий, в течение десятилетий поддерживавших политику «холодной войны» и гонки вооружений, сталкиваются с интересами другой группы капиталистов, влияние которой в последнее время значительно выросло. Речь идет о предпринимателях, перед которыми научно-техническая революция открыла новые широкие возможности в области производства товаров мирной промышленности и международного экономического сотрудничества.

Эти круги не заинтересованы ни в продолжении гонки вооружений, ни в рискованных колониальных авантюрах. Они склоняются к мирному сосуществованию не потому, что у них другая натура, а, во-первых, потому, что это для них выгодно, и, во-вторых, потому, что они дальновиднее крайних реакционеров и лучше учитывают современное соотношение сил. Развитие мировой торговли и использование достижений новейшей техники интересуют их больше, чем поставки для НАТО. Нельзя понять современную международную обстановку, не учитывая этого расслоения в кругах капитала.

Но стопроцентные реакционеры своих позиций не сдают. Торговцы смертью и колониальные магнаты продолжают их поддерживать и подталкивать. Все делается для того, чтобы попытаться сорвать разрядку, заново обострить международное положение, под тем или иным предлогом возобновить «холодную войну».

Мало того. Конечная цель черной реакции и в 70-х годах остается та же, что в разгар «холодной войны». Это ставка на мировую катастрофу. Голдуотеры по-прежнему мечтают о том, чтобы сидящий в своем штабе где-то глубоко под землей командующий стратегической авиацией США когда-нибудь снял трубку «красного телефона № 1», отдал краткий приказ кодом, и — как говорится в очерке «Следы на песке» — земной шар превратился в ад.

Философия современной реакции не исключает такой возможности. Если ничто другое не может остановить продвижение социализма — нажать на кнопку «термоядерный ад»! Давно замечено, что, когда классовая ненависть у эксплуататоров переходит в отчаяние, их политика становится неотличимой от безумия. Это не преувеличение. Современник не вправе забывать о том, что пережил мир при Гитлере.

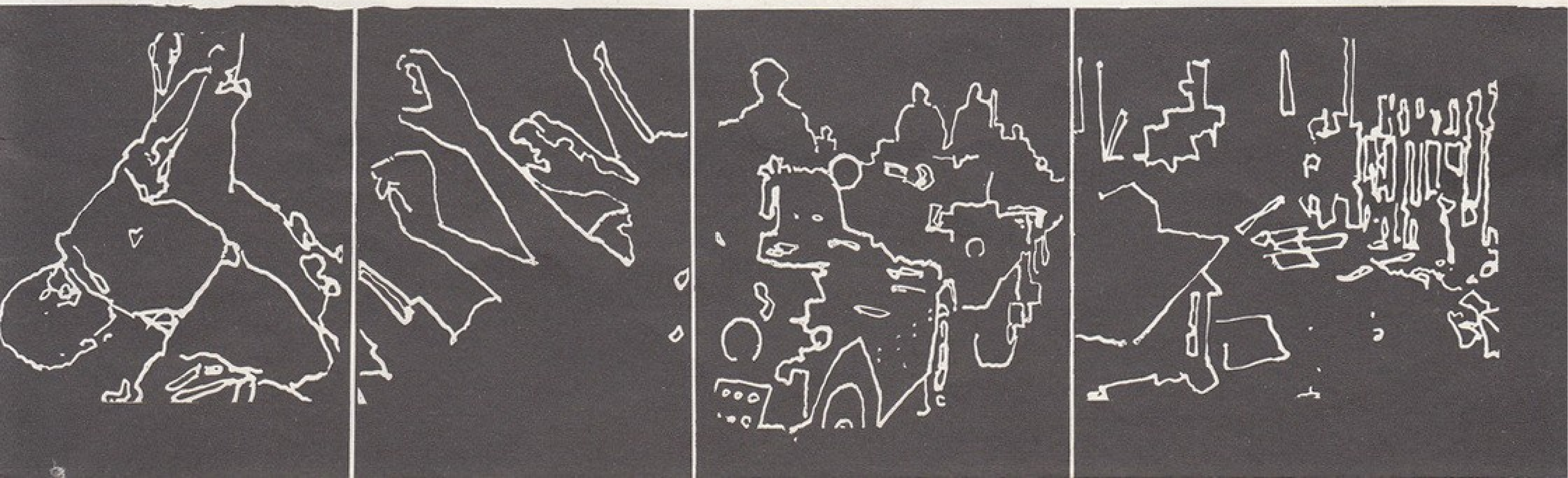
Таково лицо тех сил, отдельные эпизоды из деятельности которых описаны в этом номере «Ровесника».

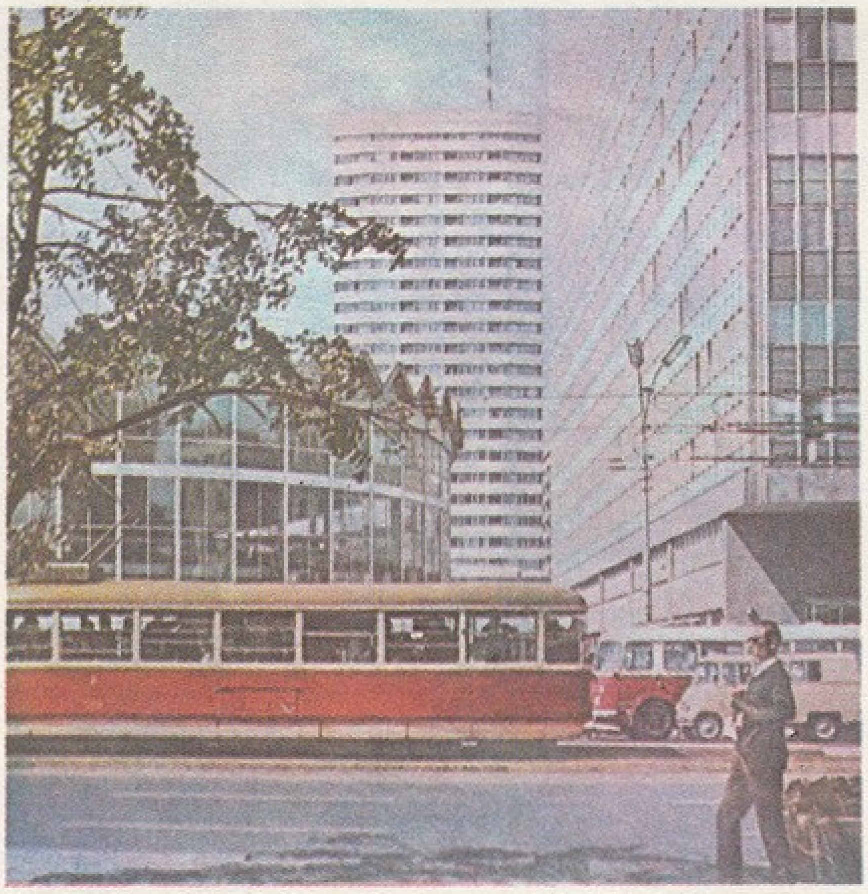
Долго ли еще будут жить люди в мире, в котором возможны такие явления и происходят подобные преступления? Нельзя не задуматься над этим вопросом.

Совершенно ясно, что исторически черная реакция осуждена. В наше время у нее нет таких политических сил, что были у ее предшественников во времена Гитлера и Муссолини, силы же ее противников, лагеря прогресса и социализма, возросли в тысячу раз. Реакционеры, о которых здесь говорится, в широком смысле слова действительно последние. Это предсмертные выродки старого, неправого общества.

Мы не знаем, как долго они еще будут действовать на мировой сцене и отравлять международную атмосферу. Но ни им, ни тем, кто за их спиной, неправое общество от исторически предназначенной ему судьбы не уберечь. Несмотря ни на что, человечество идет вперед. После XX придет XXI, а не XIX век. Современные реакционеры дышат духом политического кладбища. Тем не менее нельзя ожидать, что они исчезнут со сцены завтра.

Исторические приговоры не приводятся в исполнение сразу — хотя иногда это и происходит совершенно неожиданно. Недооценивать угрозу со стороны нынешних международных черносотенцев нельзя ни в коем случае. Они все еще хорошо вооружены, у них по-прежнему могущественные союзники и влиятельные покровители. Они не остановятся ни перед чем, чтобы помешать народам жить в мире и безопасности. Классовая борьба продолжается. Враг в засаде. Помнить об этому нужно всегда.

ВАРШАВА. 17 ЛЕТ НАЗАД...

**Владислав ШЕВЧЕНКО,
редактор газеты «Фестиваль»
на V Всемирном фестивале
молодежи и студентов
в Варшаве**

Приезжая через много лет в полюбившийся город, вы встречаетесь с ним как со старым добрым знакомым. Так произошло и с автором этих строк. Недавно я оказался в Варшаве, где 17 лет назад провел несколько незабываемых месяцев подготовки к V Всемирному фестивалю молодежи и студентов. Бродя по варшавским улицам и площадям, невольно вспоминал я лето 1955 года, когда, казалось, все языки звучали в гостеприимной польской столице.

Первая моя встреча с Варшавой состоялась мягким апрельским вечером, когда я приехал сюда для работы в Международном подготовительном комитете V фестиваля как один из редакторов многоязыкой газеты «Фестиваль». Медленно проезжая по улицам, мы то и дело видели следы войны: развалины отдельных домов и целых кварталов, оставшиеся как немой укор германскому фашизму, злодейски, чудовищно, методически уничтожавшему этот неповторимой архитектуры город.

И все же не развалины, не пустые оконные провалы обгоревших и искалеченных огнем и снарядами зданий привлекали внимание. Глаз радовали новостройки, ослепительные вспышки электросварки, огни в скверах и парках, оживленные улицы, сверкающие витрины еще не частых в те времена магазинов. А когда мы добрались до Старого мяста, одного из самых красивых уголков Варшавы, которое было буквально по кирпичику восстановлено варшавянами таким, каким оно было много десятков и даже сотен лет назад, стало ясно, что пророчества врагов Польши, потерявшей в борьбе против фашизма 6 миллионов сыновей и дочерей, о том, что Варшаве, чтобы возродиться из пепла, надо будет не менее века, не что иное, как обычное злопыхательство. Знакомясь в последующие дни и недели с жизнью польской столицы, мы повсюду видели молодое поколение Польши, которое готовилось к встрече посланцев юношества со всей планеты.

1955-й был неспокойным годом.

Всего десять лет назад закончилась вторая мировая война, за два года до Варшавского фестиваля пришел мир на истерзанную американскими агрессорами корейскую землю, а годом позже — на землю Вьетнама, народ которого ценой великих жертв в борьбе с французскими колонизаторами отстоял свою свободу. Полным ходом под натовским прикрытием шла ремилитаризация Западной Германии, где словно грибы после дождя рождались неофашистские союзы и организации. Едва вздохнувшая после страшной войны, Западная Европа опять жила в страхе перед новой войной.

Это было время, когда географические карты еще заполняли цвета колониальных держав, когда империализм с невероятной жестокостью подавлял огнем и мечом национально-освободительное движение. Это был период, когда реакция под предлогом борьбы против коммунизма запрещала любые контакты между молодежью своих стран и стран социализма, когда бросали в тюрьмы тысячи юношей и девушек только за желание посетить Советский Союз, когда проставленная в паспорте въездная советская или польская виза являлась основанием для ареста или долгих лет полицейских преследований.

Миллионы молодых, посылая в Варшаву своих представителей, бросали вызов реакции, заявляя, что юношество верно идеалам мира и дружбы, провозглашенным в ноябре 1945 года на Всемирной конференции демократической молодежи.

Помню, в один из номеров газеты «Фестиваль» мы с волнением готовили небольшую заметку о том, как несколько ребят из Южной Африки, чтобы попасть на V фестиваль, тайком пробрались на одно из иностранных судов в Кейптауне и, спрятавшись глубоко в трюме среди тюков, несколько дней, при самых минимальных запасах пищи и воды, ожидали отплытия судна из этой расистской страны. Потом, когда мы увидели этих ребят, они оказались тихими, скромными парнями, искренне не понимавшими, за что к ним проявляется такое большое внимание. «Мы же должны были приехать в Варшаву. Нас послали сюда, чтобы рассказать всем горькую правду о нашей жизни в тюрьме, которая зовется Южной Африкой».

В один из дней фестиваля была посажена Аллея дружбы. Я видел через 17 лет эту аллею. Она стала тенистой, красивой. На ее скамейках сидели молодые люди, быть может, те, кому в то время было несколько месяцев и кого тогда мамы и бабушки вывозили в колясках в эту фестивальную Аллею.

О Варшавском фестивале много говорили, много написали книг и рассказов, песен и журнальных статей. Само собой разумеется, многое под воздействием времени выветрилось из памяти. Но одно, что сохранилось навсегда, — воспоминания о том, с каким повсеместным ликованием встречали и поляки, и французы, и немцы, и англичане и... (невозможно перечислить всех) посланцев нашей советской молодежи. В ликовании этом было не только восхищение великолепным искусством, которое показали наши ребята своим сверстникам со всей планеты, или высоким спортивным мастерством наших спортсменов. Искренним уважением и восхищением окружали наших парней и девчат как представителей первого социалистического государства, страны В. И. Ленина, державы, внесшей решающий вклад в борьбу с фашизмом, родины замечательных открытий и свершений, страны, последовательно отстаивающей идеалы мира и дружбы, ставшей символом борьбы за свободу и независимость всех народов на земле.

Помню случай, свидетелем которого мне довелось быть в один из первых дней фестиваля. На площади Конституции к группе советских делегатов подошло несколько темноволосых ребят. Как оказалось, это были молодые кубинцы, чудом вырвавшиеся со своей родины, задыхавшейся в тисках полицейского произвола. Открытые, приветливые лица, живое любопытство, естественная атмосфера дружбы, которая, впрочем, царила везде в эти дни на варшавских улицах и площадях... Кубинцы засыпали наших ребят десятками вопросов. В конце беседы один из кубинцев уверенно сказал: «У нас тоже будет как у вас!» — «Будет, будет!» — ответил белокурый паренек, фамилии которого я уже сейчас не помню, но знаю, что был он из Минска. Тогда мы еще не могли знать, что через три года народ Кубы сбросит иго американских империалистов и их местных холуев, что над страной взойдет солнце свободы.

...Через 17 лет я шел по варшавским улицам и вспоминал многих товарищей, с которыми познакомился в те далекие дни V фестиваля. Некоторых из них, в том числе нескольких руководителей «Народной молодежи Индонезии», нет в живых. Их убила индонезийская реакция, совершившая государственный переворот. Один из товарищей из Португалии сейчас томится в тюрьме за свою преданность идеалам свободы. Многие стали известными государственными деятелями, учеными, с некоторыми из них доводилось иногда встречаться на дорогах моей журналистской судьбы.

...Семнадцать лет спустя я вновь шел по Варшаве и видел ее в августовские дни пятьдесят пятого. И было тепло на душе от сознания, что миллионы и миллионы юношей и девушек, которые готовятся сегодня во всем мире к десятому, юбилейному, Всемирному фестивалю в Берлине, уверенно несут эстафету мира, дружбы, солидарности в светлое завтра.

Зигзаг в океане

Марк БЕЛЕНЬКИЙ

Теперь, когда события, составляющие предмет нашего рассказа, стали до известной степени достоянием истории и уже сказана о них фраза знаменитого мореплавателя-одиночки сэра Френсиса Чичестера: «Это — морская драма столетия», когда успели увять страницы газет, поспешавших за новостями, теперь можно собрать воедино разноречивые толки. Правда, и тут нет уверенности, что все написанное будет истинным, ибо самый беспристрастный судья человеку — он сам.

Утром 31 октября 1968 года с десяток людей лихорадочно суетились на палубе белой яхты-тримарана, стоявшей у пирса английского городка Тейнмаут, что на полуострове Корнуэлл. На носу и корме свежей краской отливало название: «Тейнмаут-Электрон».

Традиционные хлопки по плечу, шутки, пожелания — чаще всех звучало слово «удача». С лица капитана не сходила улыбка, хотя, как всегда при прощании, на сердце скребли кошки. Хотелось весомых, главных слов, но все выходили пустяки.

Между бортом тримарана и берегом появилась полоска воды. По капризу погоды дождь стих, и обозначился горизонт, больше, больше. Море раскрывало занавес. В путь!

Так, в большой книге, переплетенной в красный сафьян, была сделана первая запись: «31 октября сего 1968 года взял старт участник кругосветной гонки под парусом на приз «Золотой глобус» м-р Дональд Кроухерст на тримаране «Тейнмаут-Электрон».

Дональд Кроухерст стартовал последним. Собственно, он мог выйти в море либо в тот день, либо никогда. Кругосветная яхтенная гонка, объявленная газетой «Санди таймс», предусматривала старт с 1 июня по 31 октября 1968 года. Подобного парусного марафона одиночек еще не знал мир. По условиям, участники могли выйти из любого британского порта, лежащего за пятидесятой параллелью, обойти затем вокруг света и вернуться к месту старта. Победителей ожидали два приза: «Золотой глобус» и пять тысяч фунтов стерлингов тому, кто покажет лучшее время, и пять тысяч для того, кто первым возвратится в Англию. Правила запрещали яхтсменам дорóгой приставать к берегу, получать какую-либо постороннюю помощь, будь то даже продовольствие и вода. Словом, рассчитывать можно было только на себя, все человечество на время соревнований оставалось за бортом.

В свои 36 лет Кроухерст успел пережить такое количество взлетов и падений, что для человека иной душевной конституции это могло оказаться не под силу. Родился он в Индии, рос в довольстве. Но вот колонии не стало. По возвращении в Англию семья еле сводит концы с концами, а после смерти отца Дональд вынужден оставить колледж и пойти в армию. Затем он поступает в фирму, выпускающую промышленное электронное оборудование. Ему рисуются чудесные перспективы, он полон идей. Но рвение мелких служащих должно быть направлено на исполнение своих обязанностей, а не на прожектерство. Надоедливому инженеру указывают на дверь.

Он вновь начинает с нуля. На сей раз свое собственное дело. Продав все, что можно, он вступает во владение маленькой фирмой под названием «Электрон». Наконец-то он хозяин, единоличный распорядитель собственных идей. Покамест только идей.

Фирма начинает выпускать навигационный прибор для определения курса. Пустяк, конечно, но яхтсменам он пришелся по вкусу. Дело завертелось, и Кроухерст смог дать себе передышку. У него вновь появились дом и даже маленькая прогулочная яхта, забавно нареченная «Золотой чайник».

Однако очень скоро молодой бизнесмен почувствовал, как его оттирают с рынка предприятия с громкими именами. Чтобы не пойти ко дну, нужны были деньги.

И вновь ему повезло: в яхт-клубе он познакомился с мистером Бестом, профессиональным дельцом и моряком-любителем, проникшимся симпатией к пылкому фантазеру Кроухерсту. А может, была здесь какая-то другая причина... Как бы там ни было, он одолжил владельцу фирмы «Электрон» тысячу фунтов, и это спасло Дональда от разорения. Деньги пошли на затыкание дыр и уплату самых срочных долгов. Кроухерст обещал вернуть их через год, а мало ли что может случиться за это время...

И действительно, в следующем, 1967 году мир облетела весть о подвиге 65-летнего англичанина Френсиса Чичестера, в одиночку обошедшего на яхте «Джипси-Мот» («Мотылек») вокруг света. Естественно, особенный энтузиазм событие вызвало в Англии, где организация всякого рода соревнований, гонок и марафонов — традиционное занятие большой прессы. Газетам это дает устойчивый тираж и солидный приток рекламы. А ес-

ли в пути с кем-то из участников что-либо случается, то интерес, вызванный естественным сочувствием к человеку в беде, оказывается для газеты как нельзя кстати. К поискам подключаются самолеты и корабли, добровольцы-спасатели, событие вырастает до размеров эпопеи. Истинный смысл путешествия — борьба с силами природы — подгоняется при этом под привычный эрзац-азарт ипподромного тотализатора.

Однако не будем терять из виду Дональда Кроухерста. В мае 1967 года, когда возвратился из похода Френсис Чичестер, его примеру готовы были последовать десятки людей. Эта же мысль засела в голове и у владельца фирмы «Электрон», увы, тогда уже очень близкой к разорению...

Когда зимой 1968 года газета «Санди таймс» вышла с объявлением о небывалом парусном состязании одиночек, Кроухерст записался в числе первых. Он рассчитывал, что ему разрешат плыть на «Мотыльке» Чичестера.

Отказ Кроухерст получил буквально накануне старта. Это была катастрофа. Не идти же на прогулочном «Золотом чайнике» за тридевять земель! Удачно задуманное предприятие рушилось напрочь...

Кроухерст стал осаждать мистера Беста — того самого, кредитора, — прося не только отсрочить уплату долга, но и финансировать строительство яхты-тримарана. Он доказывал, что у него, Кроухерста, больше всех шансов на победу и что свет всемирного паблисити озарит их обоих.

Бест дал согласие.

Остальные участники гонки на приз «Золотой глобус» уже вышли в плавание, когда на верфи западного побережья Англии началось лихорадочное строительство тримарана. Деньги летели направо и налево, Бест скрежетал зубами, но подписывал счета — отступать было поздно.

Один из друзей Дональда — Родни Холлуорт — взял на себя функции агента по рекламе. Газета «Санди таймс» заплатила Кроухерсту 500 фунтов за исключительное право на публикацию репортажей о плавании. Би-Би-Си установила в рубке магнитофон, на который моряк должен был наговаривать текст радиопередач. Муниципальный совет Тейнмаута выделил 300 фунтов для «поддержки начинания», после того как Кроухерст обещал, что в названии судна будет фигурировать имя их города.

Но денег, которые еще предстояло «отработать», все равно не хватало, ведь Бесту пришлось еще закупить кое-что из оборудования и полностью годичный запас продовольствия. Долг Кроухерста все рос...

Кредитор и должник условились, что в случае неудачи фирма «Электрон» перейдет в собственность Беста. Таким образом, когда Дональд Кроухерст, неловко управляясь с парусами, покидал гавань Тейнмаута, он знал, что может только победить. Ситуация, как видим, далекая от спорта. Если уж искать аналогии, то напрашивается сравнение с профессиональными автогонками, где величина приза заставляет гонщиков переходить за грань допустимого риска.

...Итак, тримаран бросился вдогонку ушедшим соперникам. В судовой журнал занесены первые записи. А на пленку — первые впечатления. Контраст между тем, что пойдет для публики, и тем, что останется для себя, разителен: на магнитофоне бодрые слова, готовность сразиться с ветрами и волнами, а в журнале: «1 ноября. Я болен. Такое ощущение, что меня пожирает невроз».

Через день, в воскресенье 3 ноября: «До чего же бредовая идея участвовать в этих гонках!» Обнаружилось, что в форпик (носовую часть корпуса) проникает вода, люки плохо задраиваются. Несколько часов кряду он откачивает воду и к полуночи с трудом добирается до койки. Но перед тем как уснуть, в раздражении записывает: «Это корыто годится только для плавания в бассейне». И добавляет: «Да и то с риском».

Меж тем в сообщениях, которые он посылает рекламному агенту Холлуорту, в «Санди таймс» и Бесту, все у него прекрасно: яхта несется на всех парусах, настроение самое бодрое. Оборотистый Холлуорт старается, чтобы такие сообщения почаще попадали в газеты. В конце недели он выступил по телевидению с радужными прогнозами о ходе дел у своего подопечного.

Итак, в пути были: француз Бернар Муатесье на кече «Джошуа» и трое англичан — Робин Нокс-Джонсон на кече «Суахили» и двое на тримаранах — Найджел Тетли на «Победе» и Дональд Кроухерст на «Тейнмаут-Электроне».

Конец ноября застает Дональда Кроухерста в Атлантике к северу от Канарских островов. По сути дела, рейс только начинался, но капитану было абсолютно ясно, что «Тейнмаут-Электрон» не имеет никаких шансов закончить океанский марафон.

Что делать? Повернуть назад и до дна испить чашу унижений? Потерпеть крах и вновь — в который раз! — начинать все с нуля? Но то, что в молодости сходило как фантазерство и одержимость, теперь, в зрелые годы, носило совсем другое наименование: неудачник. Он, отец четверых детей, — неудачник. С такой славой уже не на что надеяться.

А устроители и Родни Холлуорт донимают Кроухерста ежедневными требованиями: «Сообщи точное местонахождение, координаты, сведения о скорости». Кроухерст решает дать себе аванс и передает координаты предполагаемого маршрута — по заранее составленному графику. Одно сообщение, другое, третье... Душевная драма капитана «Тейнмаут-Электрона» ищет выхода на страницах судового журнала:

«Я обещал Клер не идти на самоубийство. Но ни за что на свете я не соглашусь вернуться на буксире в английский порт».

Какое же решение принимает капитан «Тейнмаут-Электрона»? Продолжать путь не на юго-восток, вокруг Африки, а резко взять курс на юго-запад, к Южной Америке. Пересидеть там подобающее время, а потом двигаться назад, на Тейнмаут. Короче — не выходить из Атлантики. В эфир же он будет слать сообщения о вымышленном пути вокруг света. Решено.

Сообщения с борта тримарана пошли четко и аккуратно. Игра началась ва-банк. 10 января Кроухерст радирует: «Провел бурный вечер с сиренами на «ревущих сороковых». (В тот день его яхта была отнюдь не вблизи Австралии, а в двухстах милях от Рио-де-Жанейро, и ему приходилось мобилизовывать все внимание, чтобы не быть замеченным каким-нибудь бразильским судном.) Все пока сходит благополучно. Похоже, что капризная госпожа Удача самолично раздувает паруса «Тейнмаут-Электрона». Яхта спускается в южную Атлантику вдоль Американского континента.

Еще два дня, и Лондон получает лаконичное послание: «Поломка генератора. Принужден к радиомолчанию». Скорей всего моряк, игравший в прятки со всем белым светом, решил дать себе передышку; нервы не выдерживали напряжения.

...4 февраля 1969 года 12-метровый кеч Бернара Муатесье первым из соперников подошел к самому серьезному экзамену навигационного искусства: предстояло обогнуть мыс Горн, выйти из Тихого океана в Атлантический.

6 марта возле Фолклендских островов у Аргентины «Джошуа» повстречал торговое судно. Привычным способом — пращой — Муатесье передал записку: «Мыс Горн пройден благополучно. Пока все в порядке, слава аллаху».

Сообщение вызвало в Лондоне волнение. «Этот француз» — последовали торопливые выкладки — да, этот француз теперь практически недосягаем. Если его «Джошуа» будет двигаться в прежнем ритме, он появится в Плимуте не позднее 10 апреля, а следовательно, рекорд Чичестера будет побит!

Радиопризывы из Лондона несутся в эфир. Что с Нокс-Джонсоном? Неизвестно. Он молчит с 21 ноября прошлого года, после того, как выбросился на отмель возле Новой Зеландии. Там его уже нет, проверяли.

Что с Найджелом Тетли? Его передатчик тоже молчит, но, судя по всему, он должен быть возле мыса Горн.

Где Дональд Кроухерст? Столько времени от него никаких вестей.

А «Тейнмаут-Электрон» дрейфовал у побережья Аргентины с расщепленным поплавком. После бесплодных попыток починить яхту на плаву, капитан принимает самоубийственное решение: зайти в порт Рио-Соладо в устье Ла-Платы. Это самоубийство вдвойне. Во-первых, его должны дисквалифицировать, поскольку он нарушил условия и обратился за помощью. А во-вторых, как он оказался в Аргентине, если сообщал, что находится в тысяче миль отсюда?

Но другого выхода не было. И чему суждено статься...

«Тейнмаут-Электрон» пристал к берегу. В мастерской яхту кое-как залатали. Три дня провел Дональд на земле. Гостеприимные аргентинцы ни о чем не догадывались, слух о великой гонке не дошел до Рио-Соладо. Они с любопытством смотрели на чудаковатого англичанина, заплывшего бог весть почему на другой край земли.

Тримаран вновь вышел в океан. Но теперь, после встречи с людьми, одиночество навалилось на Дональда непосильной тяжестью. Кроухерст забился в силках собственной лжи.

В начале апреля в Плимут начали потихоньку съезжаться болельщики и журналисты в ожидании скорого финиша Бернара Муатесье. Но десятое число прошло, а его все не было.

12 апреля в 11 часов утра в 400 милях от Азорских островов

вахтенный французского судна «Мунго» заметил в океане парус.

В эфир полетело сообщение: «Робин Нокс-Джонсон на кече «Суахили» рассчитывает быть в Фалмуте 20 апреля. На борту все в порядке».

Это была сенсация! Молчавший почти полгода Нокс-Джонсон объявился, считай, у самого финиша!

А Бернар Муатесье? Пусть не десятого, но к двадцатому-то он должен подойти. Многомесячное плавание вдруг стало походить на автомобильные гонки, так стремительно разворачивались события!

Два дня спустя греческое судно встретило яхту «Джошуа»... на подходе к Южной Африке. Как оказался там Муатесье? Ведь это в диаметрально противоположной стороне от направления финиша!

Брошенная пращой записка была предельно лаконичной, в обычной манере капитана Муатесье: «Я не иду в Плимут. Теперь, когда дорога изведана и я знаю, что могу идти быстро, мне незачем плыть в Плимут ради всего этого шума».

Что заставило его после 30 тысяч миль пути, когда специалисты в один голос прочили ему победу, вновь повернуть в океан? И куда он собрался держать путь? До некоторой степени ответ на это могли дать его письма, пересланные с оказией друзьям во Францию. «Когда столько месяцев подряд слушаешь пение ветра, когда так долго говоришь на языке бесконечности, страшно оказаться вдруг среди людей, слушать их бессмысленные славословия, без содержания и цели. Есть вещи, которые я был бы не в силах теперь переносить, и есть такие, без которых не смогу обходиться».

Устроителям гонки и публике было нелегко понять, почему заведомый победитель разом вдруг отказался от славы, денег — и больших денег, — то есть от всего, чего столько людей в мире безуспешно добиваются всю жизнь. Сочли это простым бегством от общества. Иные прямо советовали обратиться к психиатру.

Для Бернара Муатесье гонка за призом «Санди таймс» отнюдь не была самоцелью. Плыть к финишу, чтобы стать звездой? Обслуживать потом собственную славу? Это было не для него.

Различны причины, зовущие человека к единоборству с океаном. Джон Колдуэл, пересекший Тихий океан сразу же после второй мировой войны, стремился всей душой к жене, а иным способом добраться до нее было нельзя. Француз Ален Жербо, похороненный на Таити, скитался, чтобы отвлечься от личных невзгод. Жан Летумелен жил мечтами Руссо о слиянии человека с природой. Ален Бомбар, врач, поплыл на надувном спасательном плотике «Еретик» с единственной целью — научить людей, потерпевших кораблекрушение, не бояться океана. Польский капитан Леонид Телига пустился в 55 лет в путь потому, что среди яхтсменов-одиночек не было ни одного славянина. «Мне захотелось доказать, что и на равнинах моей родной Польши могут вырасти достойные соперники». И еще Телига сказал так: «В поединке человека с океаном проиграть может только человек. Океан ведь непобедим. А если человек все-таки выигрывает, то, значит, он одержал победу над самим собой». Наконец, Уильям Уиллис, еще при жизни ставший легендой: «Поройтесь-ка у себя в душе, и вы обнаружите, что тоже мечтали о таком плавании, даже если вы никогда не выходили в море. Когда-то, может быть, много веков назад, у ваших праотцев была такая мечта, вы унаследовали ее, и она у вас в крови — будь вам 12, 70 или 100 лет, ибо мечты не умирают!»

Итак, Робин Нокс-Джонсон финишировал в Фалмуте после десятимесячного отсутствия. Он первым вышел и первым вернулся. Среди множества поздравлений, полученных им, была и такая телеграмма: «Поздравляю Нокс-Джонсона. Но гонка еще не закончена. Самое лучшее время будет у меня. Кроухерст».

Нарушив 9-недельное молчание, заговорил «Тейнмаут-Электрон». Неизвестно, была ли телеграмма продиктована действительной уверенностью или была просто эффектной фразой, но она имела роковые последствия. К этому времени в море оставались лишь два тримарана — «Победа» Найджела Тетли и «Тейнмаут-Электрон». Тетли подходил уже к Европе, и, хотя яхта его была не в лучшем состоянии, чем у Кроухерста, узнав о том, что соперник стремительно нагоняет, он решился на риск. В шторм, бушевавший у Северной Африки, Тетли не зарифил паруса. В случае удачи ветер домчал бы его до Европы с лучшим временем. Но мачта не выдержала...

21 мая испанский сторожевой катер снял Найджела Тетли со спасательного плотика: «Победа» затонула в двух шагах от финиша!

Все. Теперь последним и единственным претендентом на «Золотой глобус» оставался 36-летний инженер из Тейнмаута. Финишировавший Нокс-Джонсон был в пути больше трехсот дней, а Дональд Кроухерст пока только двести. Лучшее время, таким образом, было у него. Судьба распорядилась так, как он желал и чего боялся в тайных своих помыслах. Всеобщее внимание было приковано к нему. А это значит, каждый его шаг будет высвечен, и тогда...

Стараниями рекламного агента Холлуорта в Тейнмауте был образован комитет по встрече. В территориальных водах яхту-победительницу должны были встретить военные корабли и самолеты королевских ВВС. Холлуорт изготовил 10 тысяч открыток со следующим текстом: «Привет из Тейнмаута, курортного городка в Девоне, избранного Дональдом Кроухерстом для триумфального возвращения после кругосветной гонки на яхте». Отцы города озабоченно думали, где разместить такую пропасть народа, изъявившего желание встречать героя.

Единственный человек, которого не трогали помпезные приготовления, был сам Дональд. Только 26 июня, когда Холлуорт отстучал восторженное сообщение: «Огромное скопление народа. Передай что-нибудь драматичное. Финансовые перспективы превосходные. Мы с Клер будем встречать тебя», Кроухерст ответил: «Только не жена. Я не хочу». В Лондоне решили, что это ошибка. Переспросили. Кроухерст подтвердил. Хорошо, ответили ему, среди ста тысяч встречающих жены не будет.

Он не хотел, чтобы она видела...

30 июня на осторожный вопрос Хеллуорта, когда его следует точно ждать, Кроухерст разражается саркастическим посланием: «Тейнмаут, комитету по встрече. Яхта не поезд, у нее нет твердого расписания».

Больше телеграмм не было.

Минула неделя томительного ожидания. 10 июля 1969 года в каюте капитана британского пакетбота «Пикарди», несущего почтовую службу на линии Лондон — Санто-Доминго, раздался звонок судового телефона. «Сэр, — сказал вахтенный, — слева по курсу парусное судно, дрейфует под фоком. На сигналы не отвечает». Капитан велел включить сирену. Вновь никакого ответа. Что такое? Здесь, в семистах милях от ближайшей земли, игра в прятки неуместна. «Пикарди» остановился, спустил шлюпку.

Полчаса спустя радист отстучал сообщение: «Обнаружили тримаран «Тейнмаут-Электрон». На борту все в целости. Людей нет». Опустевшую яхту подняли на борт «Пикарди», а судно продолжало следовать в Санто-Доминго. За ту неделю, что он был в пути, капитан Ричард Бокс прочитал доставленные с яхты бумаги — судовые журналы, записи, прослушал магнитофонные ленты. Прибыв на место, он срочно вызвал из Англии Родни Холлуорта.

Мистификация Дональда Кроухерста стала явью.

То был гром среди ясного неба. Зачем было делать всеобщим достоянием свою нечестную игру? Почему он не уничтожил компрометирующие записи? Он хотел, чтобы узнали. Наверное, будь он среди людей, ложь не вызвала бы у него таких терзаний. Но наедине с собой она оказалась непереносимой. Возможно, он хотел, чтобы его история стала предупреждением или обвинением тем, кто под флагом спорта затеял авантюру вселенского масштаба. Возможно...

Последние строки написаны человеком, уже сломленным душевным недугом: «Выбор сделан. Я выхожу из игры. Нет смысла в мучениях, которые...»

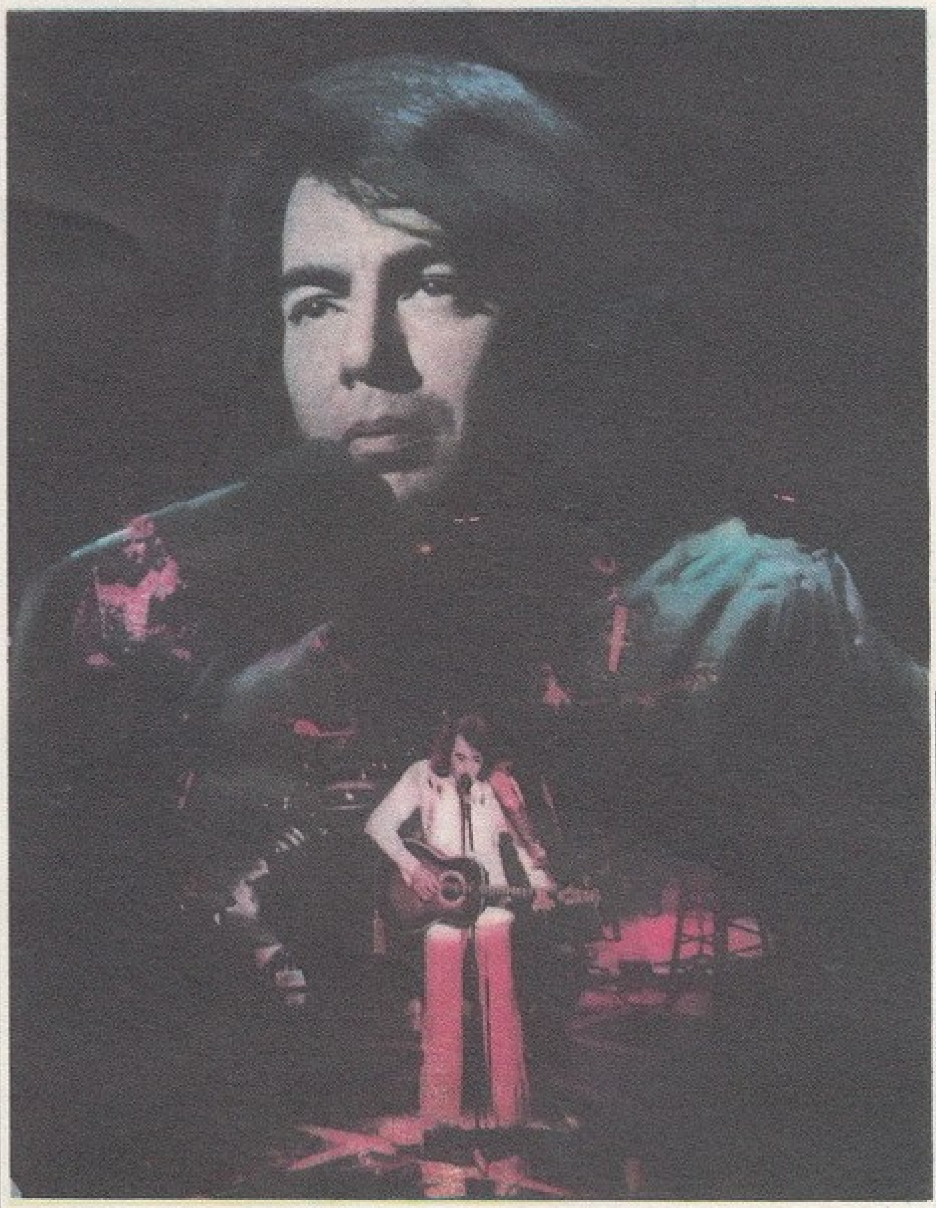
Кроухерст не закончил фразы. Он поднялся на палубу. Было почти безветренно, как бывает только в тропиках. Море тихонько толкало обессилевшую яхту.

У нашей хроники есть эпилог. Гонка на приз «Золотой глобус» не получила желанного рекламного резонанса. Неудачи яхтсменов и — под занавес — трагедия обмана облекли в мрачные одежды это начинание, представлявшееся вначале как «невиданное спортивное состязание столетия». Хотя еще до начала спортивная сторона мероприятия подверглась интенсивной эрозии.

«Вторжение прессы, рекламы, бизнеса искажает самый дух плавания под парусом, — заявил известный яхтсмен-кругосветчик Алек Роуз, отказавшийся от приглашения устроителей. — Моряков превращают в платных жокеев. Я не завидую тем, кто погонится за призами «Санди таймс». Предчувствие его не обмануло.

Что касается призов, то с ними вот что. Робин Нокс-Джонсон, первый и единственный дошедший до финиша, отдал свою премию — 5000 фунтов стерлингов — миссис Кроухерст и ее детям. Он отказался комментировать свой поступок. «Кто не познал одиночества в море, тот не вправе судить», — сказал он.

НЕТИПИЧНАЯ „ЗВЕЗДА“

Если можно представить «звезду» поп-музыки без толп обожателей, то Нил Даймонд — как раз тот самый случай. До недавних пор он не давал интервью, не позволял себя фотографировать.

И тем не менее он вполне подходит под определение «звезды», причем не простой, а «супер». По числу альбомов пластинок, ставших бестселлерами — их у него двенадцать, — с ним могут сравниться только «Битлз». Для выступлений ему предоставляют лучшие бродвейские концертные залы и даже Уинтер Гарден Театр, где вообще не принято давать сольные концерты. Нил с равным успехом выступает в Карнеги-холл и перед фермерами Миннесоты.

Что же выделяет на общем фоне Даймонда? Безусловно, лиризм, романтичность, содержательность его песен. Не случайно Даймонд считает себя прежде всего сочинителем песен. «Мне не нравится быть придворным шутом, клоуном, — говорит он. — Не мое это дело — потешать публику. Мне хочется добиться единства с залом. Часто у меня бывает желание сказать слушателям: «Вы платите деньги, чтобы попасть на мой концерт, — хорошо. Но я здесь не из-за ваших денег. Мне нужна ваша любовь».

Недавно Нил Даймонд заявил, что на год или больше покинет эстраду, чтобы заняться музыкой, — в том числе серьезной музыкой для фортепьяно и гитары. В его планах не только песни, но и пьесы для струнных инструментов. «Я вернусь на сцену только тогда, — говорит он, — когда действительно буду готов сказать людям нечто свое».

КАПИТАЛОВЛОЖЕНИЯ. Городские власти Лос-Анджелеса дали указание «высадить» на бульваре в центре города искусственные деревья и цветы, ассигновав на это 60 тысяч долларов. Зачем? Живые сажать бесполезно — они все равно погибнут из-за выхлопных газов.

СОЦИОЛОГИЯ. Французское бюро исследования общественного мнения провело опрос среди молодежи 15—20 лет. Цель анкеты — определение «Шкалы жизненных ценностей». Большинство на первое место поставило интересную работу. «Профессия выбирается на всю жизнь, — сказал один из опрошенных. — Подыхать от скуки сорок с лишним лет — это просто кошмар!» На втором месте, по мнению молодых французов, стоит любовь, затем — семейное счастье и лишь на четвертом — деньги.

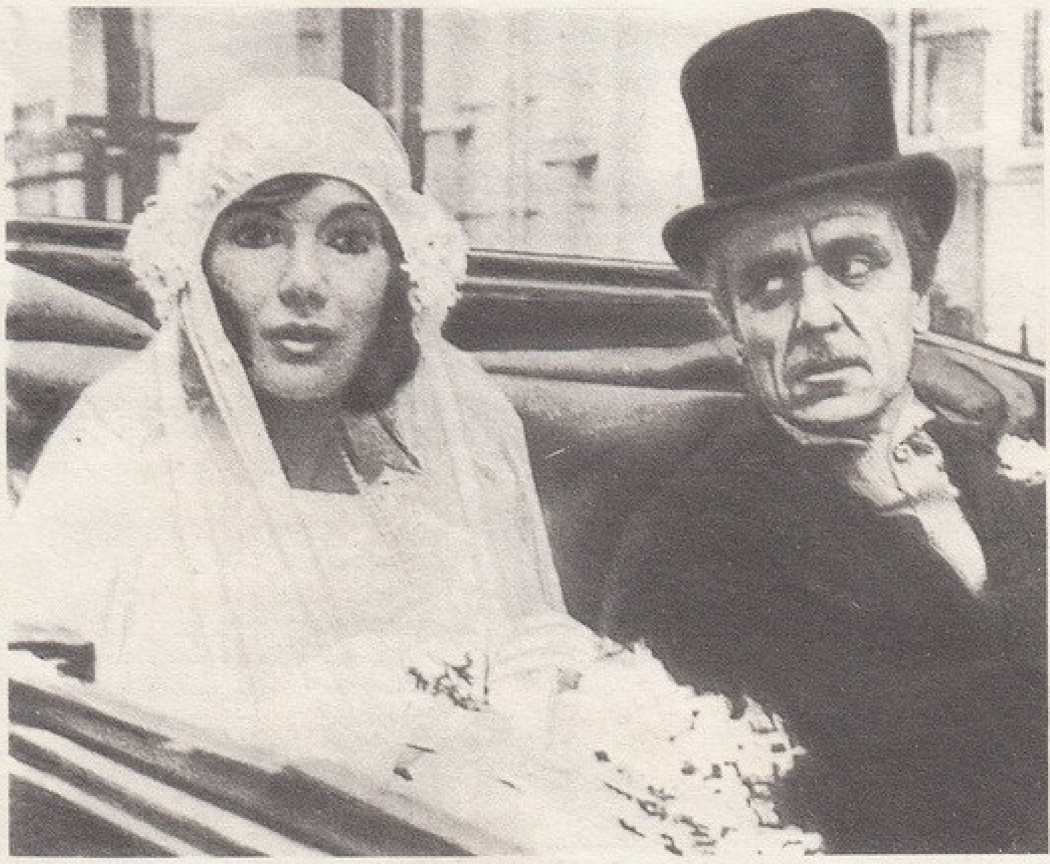
ПЕДАГОГИКА. В Японии не хватает детских садов. А желающих отдать туда ребенка все больше и больше. Поэтому в некоторых детских садах для поступающих были введены... «приемные экзамены». Одно из заданий: малыш должен сосчитать до 20 и обратно.

НОВАЯ РОЛЬ СОФИ ЛОРЕН

ФАО, продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН, выпустила недавно золотую, серебряную и бронзовую медали с изображением Цереры, богини земледелия и плодородия в древнеримской мифологии. Нумизматы наверняка узнают в богине известную кинозвезду Софи Лорен. Актриса согласилась безвозмездно позировать для новой медали, доход от продажи которой пойдет на благородные цели борьбы с голодом.

САМЫЙ ДЛИННЫЙ ФИЛЬМ

Английский телевизионный фильм «Сага о Форсайтах» демонстрировался во многих странах мира, побив все рекорды и по количеству серий, и по числу зрителей. Даже футбольные и хоккейные матчи не собирали столько телезрителей — ведь эти состязания, как правило, не интересуют женщин.

Подсчитано, например, что воскресные трансляции «Саги» на шесть месяцев приковали 14,5 миллиона англичан к экранам телевизоров, отчего заметно снизилась посещаемость церквей и «пабов». Встревоженные служители культа вынуждены были даже изменить время воскресных служб, дабы поклонники Форсайтов могли поспеть и туда и сюда.

„ДАМА-БЕЗ-СОБАЧКИ“

Вот ошейник, вот прут-поводок, вот, наконец, и сама дама. Только собачки — «друга человека» — нет.

Нет шума, нет гама, нет возни с кормежкой и ухаживанием.

Есть новая американская мода — «дама-без-собачки». Чего только нет на белом свете...

„ПОКАТАЙ МЕНЯ НА САМОЛЕТЕ“

До сих пор единственной говорящей обезьяной — ибо доказано, что ни мозг, ни артикуляционный аппарат этих животных не приспособлены для разговоров,— считалась Чичи, та, что на вопрос доктора Айболита: «Что у тебя болит?» — отвечала: «Шея». Но вот пять лет назад Аллен и Беатрис Гарднер, ученые-психологи университета штата Невада, начали обучать шимпанзе «языку знаков», основанному на азбуке жестов глухонемых. Результаты превзошли все ожидания. Сейчас в научном центре университета двенадцать шимпанзе способны объясняться жестами со своими учителями. Так, одна из обезьян, Люси, в свои шесть лет знает названия всех предметов домашнего обихода, деталей одежды, продуктов питания, игрушек, а также свободно оперирует целым рядом глаголов и прилагательных. Она умеет отвечать на вопросы предложениями из двух-трех слов, например:«Роджер обнимает Люси» или «Люси ловит мяч». Мгновенно узнает знакомые предметы на картинках, а иногда интересуется, как называется то или это. Ее «словарь» на сегодняшний день насчитывает 60 слов.

Однако первой ученицей школы шимпанзе считается Уошу, чей словарь состоит из 175 слов. Семилетняя Уошу живет в клетке вместе с другими обезьянами, и на нее возложена ответственная задача помочь им в овладении языком. Помимо просьб, таких, как «Дайте, пожалуйста, сладкого» и «Обними быстрее», Уошу по собственной инициативе обращает внимание учителей на все, что вызывает ее интерес: будь то корова, собака, цветы, деревья. Однажды, гуляя со своим учителем, она заметила пролетавший самолет и сказала — знаками, конечно: «Покатай меня на самолете».

Уошу делает попытки «разговаривать» и со своими приятелями по клетке.

Ну что ж, возможно, недалеко то время, когда мы сможем зайти в зоопарк, чтобы поболтать с общительными шимпанзе.

ЗОЛОТО РАЗНОЙ ПРОБЫ

«Я хочу во всем быть первым. Мне безразлично, что будет завтра, важно, что происходит со мной сегодня», — заявил олимпийский чемпион по плаванию Марк Спитц, которым в Америке сейчас торгуют оптом и в розницу. Семь золотых медалей, полученных им в Мюнхене, сделали этого 22-летнего спортсмена лакомым кусочком для кинокомпаний, издательств и фирм готовой одежды.

Немало медалей получил и пловец из ГДР рекордсмен мира Роланд Маттес, чье фото мы публикуем. «Есть существенное различие между золотыми медалями моими и Марка Спитца, например, — говорит Роланд. — Для него, как он сам признается, — это возможность продать себя подороже, стать кинозвездой или миллионером. Мои же золотые медали — вклад в укрепление авторитета моей социалистической родины».

ЧЕМ ХОРОША АРХЕОЛОГИЯ?

На фотографии вы видите, пожалуй, одну из самых читаемых писательниц мира, автора детективных романов 81-летнюю Агату Кристи с супругом профессором-археологом Маллованом. «Что нового, — спросите вы, — написала Агата Кристи?» Вот эти шутливые слова:

«Женщина, вышедшая замуж за археолога, с каждым годом чувствует себя все счастливее. Чем она старше, тем больший интерес представляет для супруга...»

ПОД ПЫЛЬЮ ВЕКОВ

Еще при жизни Ганса Христиана Андерсена его удивительными сказками зачитывались дети и взрослые во всем мире. Однако до сих пор мало кому известно, что этот гениальный выдумщик был еще и талантливым художником. Его рисунки, свыше ста лет пролежавшие в архивах, обнаружены лишь недавно.

Особенно интересны его коллажи и декупажи — композиции из различных фактурных материалов и бумажных вырезок, не уступающие по мастерству работам известных коллажистов XX века Курта Швиттерса и Макса Эрнста.

Одна из публикуемых нами работ Андерсена — автопортрет, в котором художник со свойственным ему юмором постарался передать досадные, по его мнению, недостатки своей внешности. Другая — коллаж, который изображает девушку в своеобразной маске, напоминающую участниц римских карнавалов того времени.

ЛИТЕРАТУРА. Согласно подсчетам Британского общества друзей Шекспира великий драматург в настоящее время обеспечивает работой 800 тысяч человек. Среди них писатели, переводчики, литературоведы, скульпторы, режиссеры, актеры, служащие туристских фирм, продавцы сувениров.

ТЕСТЫ. Работники датских почтовых отделений, ведающие отправкой посылок за границу, жалуются на огромное количество сложных формуляров, которые приходится заполнять. Чтобы проверить, читает ли их вообще кто-нибудь, один копенгагенский экспедитор чуть ли не полгода писал в графе «содержание посылки»: «Замороженные крики «ура!», «Шерстяные носки для слонов», «Чиновники, спящие глубоким сном», и т. п.

Ни одна из посылок с таким сопроводительным документом не была задержана таможенными властями.

БРАССАНС—ПОЭТ, РЕФРЕНЫ КОТОРОГО ВОШЛИ В ШКОЛЬНЫЕ УЧЕБНИКИ

Рене ФАЛЛЕ

Двадцать лет дружбы между ним и публикой, между ним и мною. Мне часто говорят, обычно с нескрываемой завистью: «Вы знакомы с Брассансом...»

Я отвечаю — «да». А про себя с растерянностью думаю, что я его совсем не знаю.

И вдруг с тоской представляю, что если Жоржу взбредет в голову глупая мысль умереть первым, то нас, оставшихся от «банды» (как говорит Брассанс), его друзей, будут донимать вопросами: «Вы его знали! Каким он был?»

Мы раскроем наши беззубые рты: «Итак...»

А затем мы их удрученно закроем, потому что нам известно о нем не больше, чем другим. Может быть, даже меньше.

...Не бросайте камень
В согрешившую женщину,
За ней стою я...

Должен признаться, что я искренне считаю Жоржа Брассанса достаточно великим человеком. Справедливо это или нет, но я преклоняюсь перед его творчеством. Если бы я не был его приятелем, это заставило бы меня обращаться к нему почтительно — «господин», вместо фамильярного «Жо», и даже иногда, признаюсь, «Жожо». (Подобно тому как для слуг не существует великих людей, их еще меньше, если это возможно, для старых друзей.)

Но я испытываю к Жоржу только нежность. Очень большую, огромную нежность. А поскольку я не знаю, что же сказать еще о «Брассансе, моем друге», попробую заставить заговорить его самого.

— Так вот! — кричу я ему не без злорадства. — На сей раз, друг мой, я пришел не для того, чтобы болтать о пустяках. Я пришел взять у тебя интервью!

Он мрачно смерил меня взглядом.

— Ну нет! Только не ты!

По правде говоря, я ожидал услышать известную реплику Цезаря, пораженного предательством Брута: «И ты тоже, сын мой!»

Но далекий от подобных исторических ассоциаций, он просто предложил мне:

— А не выпить ли нам по стаканчику?

Я смотрю на Жоржа Брассанса. 1952—1972 годы. Двадцать лет. Он не изменился. Седина, в шевелюре осталось мало темных волос, голова почти вся белая, но не душа. Пока он не начинает петь свои новые песни, меня гложет тревожная мысль: «А если он постарел после своего последнего турне? А вдруг это уже не то?» Такое несчастье случается...

Я быстро успокаиваюсь. Одиннадцать песен с точно отмеренными дозами юмора, любви, иронии, чувства. Да вы пойдите на концерт! Может быть, вам удастся раздобыть местечко в старом зале «Бобино», который вот уже третий месяц переполнен. Там вы увидите подлинного Брассанса.

Меня всегда поражала верность Брассанса самому себе, впечатлению, которое он производит, своей любви, привязанностям, чувствам. Однажды, когда мы принялись вышучивать неловкость одного из его приятелей, он согласился, что вообще-то поведение было «спорным с точки зрения хорошего вкуса», — одно из любимых его выражений, но это никоим образом не уменьшает его привязанности к приятелю. Как-то Брассанс сказал: «Я, когда полюблю, то на всю жизнь».

Это могло бы показаться лишь красивой фразой, если бы ежечасно не подтверждалось жизнью самого Брассанса. И я вспоминаю о Жанне. Да, о Жанне! Я точно знаю, что все, кто бывал у Жанны, святые в глазах Брассанса.

Ему было восемнадцать лет, когда Жанна познакомилась с ним, полюбила и приютила в «Башне чудес» — в тупичке Флоримон. Она верила в него все самые трудные годы, а их было немало. Пришел успех, но Брассанс продолжал жить у Жанны, хотя это не было жилищем, подобающим «звезде». У нее он чувствовал себя дома, у своего источника, «рядом со своим деревом».

А затем Жанна и дерево погибли. В тот вечер я был с Жоржем в госпитале. Стоя рядом с Брассансом, я понимал, что, потеряв ее, он потерял многое, и, между прочим, свою молодость.

...Вздохи ангелов —
вообще-то
почтительная ложь...

Но чувство юмора не изменило ему даже тут. Когда кто-то воскликнул: «Жанна умерла, неправда!» — он холодно возразил: «Если это неправда, то уж больно здорово похоже на правду».

Не имея сил забыть Жанну, Брассанс

Жоржа Брассанса, поэта и композитора, пожалуй, знает каждый француз, да и не только француз. Его стихи выходят отдельными сборниками в ежегодной серии «Поэты сегодняшнего дня» наряду с произведениями Элюара и Превера. Его творчеству посвящены научные труды. Недавно тексты песен Брассанса были опубликованы 250-тысячным тиражом, а число пластинок с его песнями перевалило за 15 миллионов. О чем же поет Брассанс? У него есть нежные песни о влюбленных на парижском мосту «Пон дез ар». Есть песни, где он восстает против мещанства и мнимой благопристойности высшего общества. Но, в основном, его стихи и песни — о жизни «человека с улицы», о его ощущениях, его мыслях. «Бывает, что корабли терпят крушение, — говорит Брассанс. — Кто-то должен подать сигнал SOS. Именно это я и делаю в каждой песне».

Жаннина утка

Так будем достойно
Мы все людьми,
И память о ней сохраним мы
Навек, черт возьми.

сохранил волнующую верность ей. Так, он не захотел далеко уезжать от XIV округа Парижа. То, что он живет сегодня в XV, он объясняет, извиняясь:

— О да, но я всего в двухстах метрах от XIV!

Жан, почтальон из тупика Флоримон, попрежнему его близкий друг. Его собака Кафка — «собака Жанны». Попугай Жако — «попугай Жанны». Если он и приобрел дом в Лезардрие, то потому, что Жанна — бретонка, и именно она познакомила его с этим уголком Бретани.

Брассанс действительно «любит на всю жизнь».

Как примиряет он свою работу со славой? С трудом. Старается, например, как можно реже выходить на улицу, чтобы избежать докучливого внимания.

— Однажды, — рассказывает он, — ко мне подошла какая-то дама. «Ах, господин Брассанс, как я рада вас видеть. Я так люблю ваши песни! А больше всего мне нравится самая лучшая из ваших песен «Мой друг, цыган».

Но это вовсе и не его песня...

К счастью, такое происходит не всегда. В другой раз мы повстречались на улице с женщиной, которая, не останавливаясь, сказала:

— Спасибо, господин Брассанс! Спасибо за ваши песни!

Такое ненавязчивое выражение симпатии, я думаю, доставило ему удовольствие. Парижский «свет» его раздражает. В год он бывает на двух-трех приемах, где точно знает, что на него не будут смотреть как на диковинного зверя.

Уговор есть уговор. Сегодня я не беру у него интервью. В конце концов, спустя двадцать лет это было бы смешно. Он удовлетворенно вздыхает и говорит: «Тяжелая профессия! Слава богу, на этот раз в «Бобино» я прощаюсь с публикой. Это мои последние гастроли. С меня довольно. Зарабатывать на жизнь песенками! Конец!»

Я не протестую. Вот уже по меньшей мере лет десять, как он пугает тем, что скажет «прощай» Фонтенбло. Этот страстный мастер с насмешкой говорит о «маленьких песенках, написанных, чтобы заработать на жизнь». Я включаюсь в игру: «Ты прав. Но что с тобой будет? Что ты станешь делать, если не будешь петь?»

Он ликует: «Ничего! Ничего! Я буду ловить рыбу!» Хотя он не рыболов. У него есть в деревне дом, но он жалуется, что ему страшно жить там. Есть дом на берегу моря, но он интересует его не больше, чем выращивание черешни.

— Сознайся, — сказал я ему, — ты любишь только песни.

— Я люблю также и души.

Этот пессимист отнюдь не разочарован в жизни. Этот малый, глубоко переживающий утрату людей, которых он любит, самый удивительный тип, какого можно встретить.

— Если у тебя на душе заскребут кошки, — сказал я ему однажды, — позови меня.

— Договорились, — произнес он, — я позову тебя завтра.

В действительности же этот отшельник никогда не скучает. Его поэтическая культура не имеет равных. С писателями он почти не общается, зато любит зубрить грамматику, штудировать лексику, копаться в словарях — вечно учит французский язык и часто насмешничает, слушая плохо сложенную песню: «Напыщенно! Галиматья!» Этот добрый по натуре человек безжалостен, когда речь заходит о стиле и синтаксисе. Этот «любитель» — самый строгий из профессионалов. У меня есть вещественное доказательство его манеры работать — рукопись песни «Маргерит», в десять куплетов по шести строк каждый. Эта рукопись состоит из шестидесяти черновиков. По меньшей мере сто страниц для одной из «этих песенок».

Когда он не читает или не пишет, он играет. Часто на гитаре, а еще чаще в различные игры. Любит возиться с механическим конструктором, без сомнения наслаждаясь тем, чего был лишен в детстве. В последнее время он увлекся новой игрой — печатанием на пишущей машинке.

— Как ты печатаешь, — спрашивал он меня. — Спорю, двумя пальцами?

— Ну... да...

— А я, — говорил он, торжествуя, — я скоро буду печатать десятью. Я купил учебник.

Когда через два дня я опять пришел к нему, машинка и учебник были заброшены в стенной шкаф.

Он все время что-нибудь мастерит. Проигрыватели, которые упрямо называет «фоно», магнитофоны. По моей просьбе он записал на магнитофоне собственного производства целую кассету новых песен. Придя домой, я с досадой убедился, что в невообразимом бормотании ничего невозможно разобрать.

Но это когда Брассанс не занят. Брассанс — певец, и основная часть его времени отдана сцене. После «Бобино» — Бельгия, затем турне по пригородам Парижа, турне по провинциям. Шесть месяцев на сцене. В среднем за спектакль двадцать пять песен, одиннадцать — совершенно новые... Сюжетом для одной из них послужила курьезная история, напоминающая волшебную сказку.

...Умрем
за наши идеи,
но медленной смертью...

В 1941—1942 годах молодой лохматый поэт купил за три или четыре су сборник поэм никому не известного автора Антуана Поля. Брассанс, а это был он, стихи прочел и забыл, позднее вернулся к ним и положил на музыку. Еще позднее, став знаменитым, он вновь подумал об этих поэмах и попытался разыскать автора сборника, напечатанного в... 1913 году. Следов Антуана Поля нигде не было. Но вот однажды к секретарю Брассанса попала просьба крупного издательства разрешить публикацию некоторых песен Жоржа. Под письмом стояла подпись — Антуан Поль. Секретарь вспомнил это имя, позвонил. Восьмидесятилетний Антуан Поль оказался тем самым автором сборника.

Совсем недавно, когда Брассанс послал старику приглашение послушать песни на ЕГО слова, ему ответили, что Антуан Поль умер. Брассанс сокрушался, что бедняга так и не услышал «Прохожих», из которых молодой поэт сделал хрупкую песню, пронизанную «смеющейся печалью», в духе Бодлера. Чудесная история и правдивая, заставляющая думать поэтов, тщетно посылающих Брассансу свои стихи в надежде, что... в надежде, которая...

Перевел с французского
Н. АКИМОВ

Главный редактор А. А. НОДИЯ

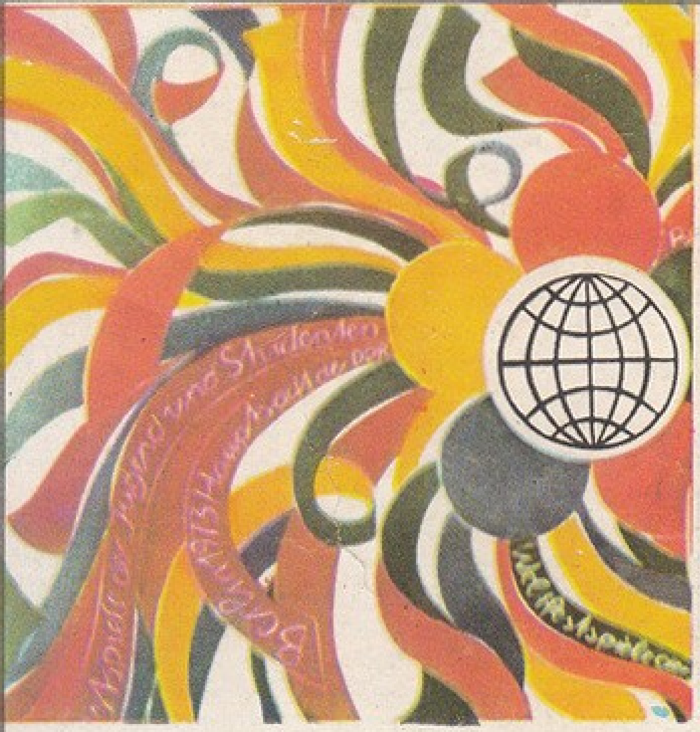
Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ (зам. главного редактора), О. А. ГОРЧАКОВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, И. С. ЗЕНУШКИНА, В. П. МОШНЯГА, Б. К. ПУГО, А. Н. ФИЛАТОВ (ответственный секретарь), С. А. ЧИБИРЯЕВ

Худож. редактор О. С. Александрова
Оформление В. Д. Грызлова
Техн. редактор В. Н. Савельева

Адрес редакции: Москва, К-104, Спиридоньевский пер., 5.
Телефон 290-36-55. Рукописи не возвращаются.
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

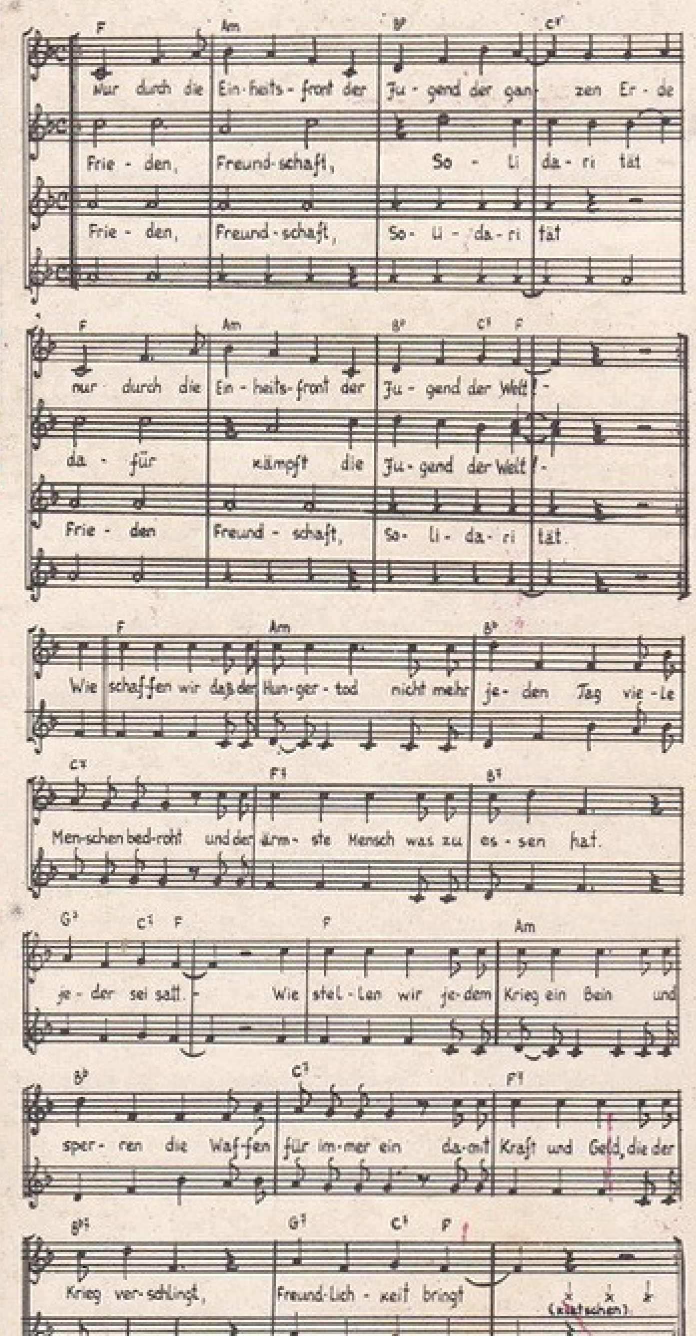
Сдано в набор 19/I 1973 г. Подп. к печ. 20/II 1973 г. А00327. Формат 60×90 1/8. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 400 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 2648.

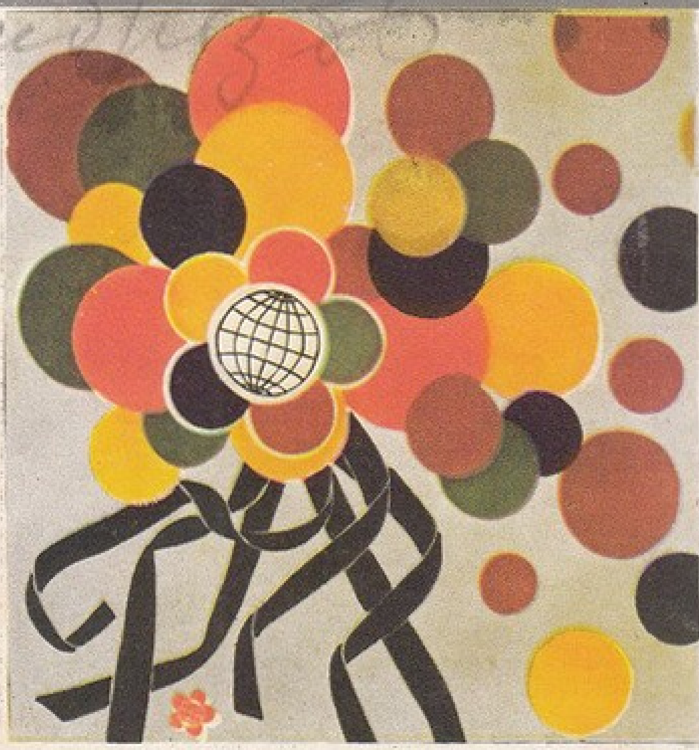
Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

МИР И ДРУЖБА И ЕДИНЫЙ ФРОНТ!

Слова Х. Калау Музыка К. Шнейдера
Русский текст Т. Сикорской

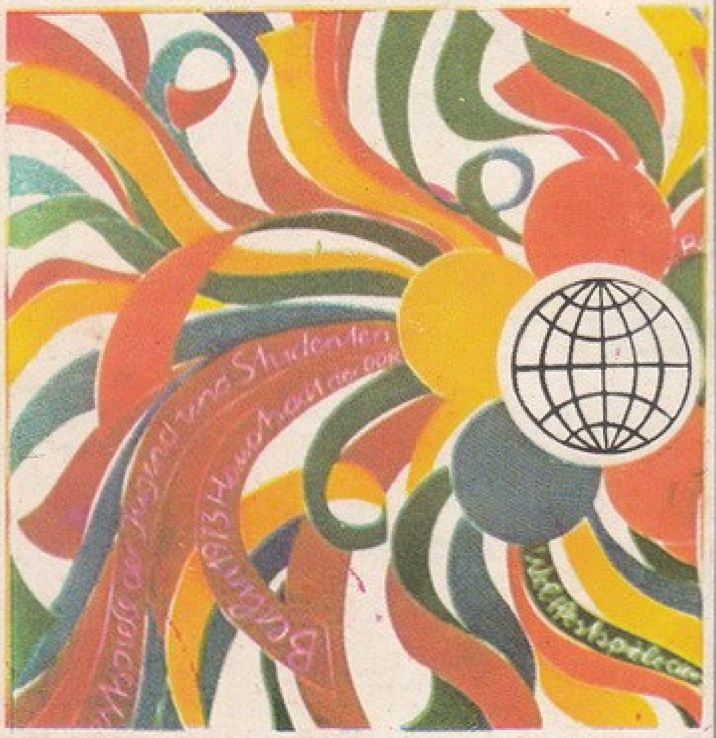

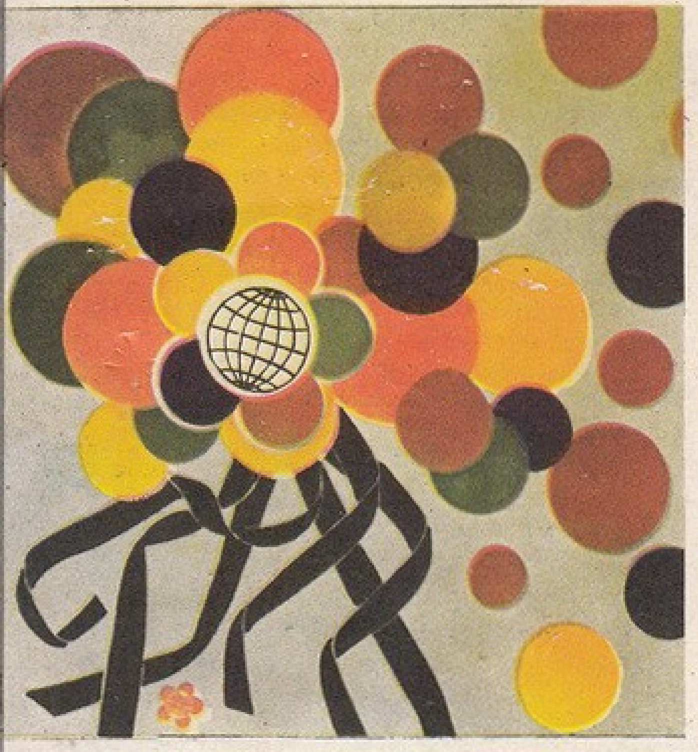

Осенью прошлого года молодежная газета «Юнге вельт» объявила конкурс на лучшую песню, посвященную X Всемирному фестивалю молодежи и студентов, и в первые же недели в редакцию пришло 400 песен. Их авторы — профессиональные композиторы и поэты, но больше — любители, участники песенных групп, которых, между прочим, в ГДР насчитывается более пяти тысяч.

Песню, которую мы публикуем в этом номере, поют члены «Октобер-клуба». Говорят, если поет «Октобер-клуб» — поет вся молодежь социалистической Германии, настолько популярна эта рабочая самодеятельная группа политической песни.

«Октобер-клуб» много раз был с гастролями в Советском Союзе, выступал и во Дворце съездов, на Втором ленинградском фестивале советской и немецкой молодежи. Публикуемая песня — музыкальный привет читателям «Ровесника» перед X Всемирным фестивалем молодежи и студентов, который летом этого года поднимает свои знамена в Берлине — столице ГДР.

Рефрен.
Только единый фронт
даст юным силам победу!
Только единый фронт
рабочих мира!
Мир и дружба, солидарность —
это стяг твой, юность мира!
Мир и дружба и единый фронт!
Мир и дружба и единый фронт!

1

Как сделать нам, чтоб был
каждый сыт,
уничтожить голод, что людям
грозит,
чтоб исчез гнетущий нас с давних
пор
страх и позор?
С угрозой войн как бороться нам,
помешать готовить оружье к боям,
чтоб запас богатств и избыток сил
миру служил?

2

Как сделать нам, чтоб за подвиг
тот,
что свершил отважный советский
народ,
был наградой мир, чтоб дружить
могли
страны земли?
Как нам спасти от огня Вьетнам,
дать отпор зарвавшимся вражьим
войскам?
Чтобы янки все убирались
прочь —
как нам помочь?

3

Как сделать нам, чтоб везде
сейчас
воцарилось братство и равенство
рас?
Как богатства мира у сытых взять
и нищим дать?
Как жизнь создать, чтоб хотелось
петь,
чтоб не надо было насилье
терпеть,
чтобы счастьем тех, кто был
в рабстве тут,
стал вольный труд?

